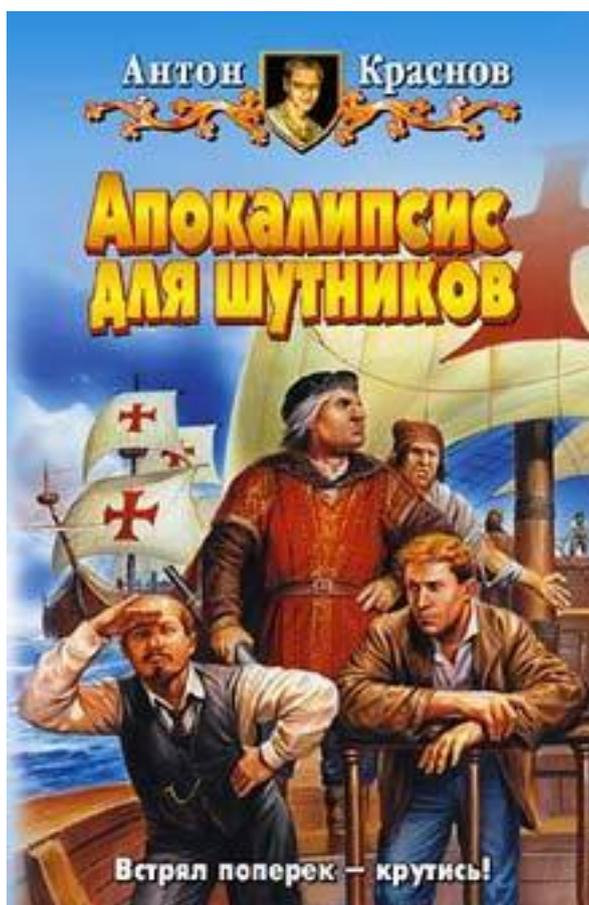

Антон Краснов

Апокалипсис для шутников

Встрял поперек — крутись!

Семь отмычек Всевластия

Антон Краснов

Апокалипсис для шутников

2004

Краснов А.

Апокалипсис для шутников / А. Краснов — 2004 — (Семь отмычек Всевластия)

Когда боги на время спускаются с Олимпа – это еще куда ни шло. Но когда они прилетают с планеты Аль Дионна на грешную Землю с весьма амбициозными намерениями – это уже конец света в полном смысле этого слова! Последствия апокалипсиса в полной мере испытывают на себе школьные друзья крутого бизнесмена Коляна Ковалева, и, надо признать, вполне заслуженно: нечего было вляпываться в дела небожительские... А теперь уж деваться некуда – именно им в компании с кандидатами в боги предстоит выволакивать человечество из мрака доисторической дикости, что, поверьте, совсем не просто.

Содержание

ПРОЛОГ С ОСТОЛБЕНЕНИЕМ	5
Часть первая	23
ГЛАВА ПЕРВАЯ	23
ГЛАВА ВТОРАЯ	35
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Антон КРАСНОВ

АПОКАЛИПСИС ДЛЯ ШУТНИКОВ

ПРОЛОГ С ОСТОЛБЕНЕНИЕМ

Каменный век начинается прямо сейчас!

Россия, Саратов, сентябрь 2004 года

1

Женя Афанасьев долго и с сожалением рассматривал пьяного черта, который горько рыдал, сидя на полу разгромленного мини-маркета. Сказать, что Астарот Вельзевулович Добродеев (так звали упомянутое бесовское создание) находился в растрепанных чувствах-с – так это ничего не сказать. Собственно, у Астарота Вельзевуловича были все основания для того, чтобы рвать волосы на голове. Причем не только на своей.

Женя Афанасьев не без труда подтянул свое тело к полке и, коротким тычком локтя разбив стекло, вынул бутылку коньяку. Отхлебнул. «Паленый, – подумалось ему. – Впрочем, какая теперь разница... Как дурной сон. Уколоться и забыться, как это у Высоцкого. Высоцкого?.. Так его НИКОГДА не было. Как не было Пушкина, Гоголя, Ньютона, Наполеона, Цезаря. То есть они, конечно, были, но теперь никто их не помнит...»

К нему подошел Жан-Люк Пелисье, замечательный (особо ежели воздерживаться от спиртного) французский археолог русского происхождения, который тоже сыграл не самую последнюю роль во всей этой истории. И – то ли еще будет...

– Ну что, Евгений? – спросил Пелисье. – Кажется, не нравится?..

– Да, – тихо сказал Афанасьев. – Коньяк паленый.

И, отхлебнув еще глоток, он стал припоминать события, приведшие к такому вот ПЕЧАЛЬНОМУ итогу. Какому? А вот – такому.

Египет, июль, 2004 год. В дельте Нила четыре балбеса-археолога находят нетронутую гробницу древнеегипетского вельможи и открывают ее. Мумия в полном порядке, но один из археологов русского происхождения находит на руке мумии странную татуировку. И ему удастся разобрать, ЧТО там. А там – на чистом русском языке «Колян с Балтики» и адмиралтейский якорь. К слову, в Древнем Египте якорей не было (о русском языке, понятно, вообще умалчиваю!). Это такое милое начало. Кстати, одного из археологов зовут Жан-Люк Пелисье.

...Афанасьев посмотрел на Пелисье, стоявшего тут же и с отвращением пьющего псевдоармянский коньяк, и подумал: «Знал бы, что так будет, – никогда бы!.. Никогда!!»

А ведь так невинно начиналось несколько месяцев назад. Россия, тот же 2004 год, прекрасный юный май. Сидят на даче три русских парня, выпивают, никому не мешают. Один – журналист Афанасьев, второй – бизнесмен из экс-братков Колян Ковалев, третий – мент Вася Васягин. В общем, полный сериальный набор. И тут рядом с дачей приземляется какая-то штуковина. Из нее выходят странные нечесанные индивиды и вступают в исторический контакт с ребятами. Нет, не банальные инопланетяне, хотя, конечно, с другой планеты. Так вот, оказывается, пришельцы вернулись на Землю, как барин в вотчину. Выясняется неопишное и умом слабо воспринимаемое обстоятельство: в свое время (несколько тысячелетий назад) на Земле мотали срок космические эзки, сосланные сюда со своей планеты Аль Дионна за плохое

поведение. Словом, Земля еще в то время, когда люди были малоразвиты и беседовали между собой ударами дубины, служила местом ссылки правонарушителей из другой, более развитой цивилизации. Селились они в местах теплых и приятных для обитания.

Самая большая популяция космических безобразников жила в Средиземноморье. А что? Тепло, финики разные растут, маслины, оливы... Курорт. Они получили широкую известность под именами богов Олимпийского пантеона. Зевс, Афина, Гера, Аполлон – всё это уроженцы планеты Аль Дионна, обожеествляемые древними и вовсю безобразничавшие в своих владениях. Например, осчастливливающие своими инородными сперматозоидами земных женщин, в результате чего на свет появлялись полукровки с уникальными физическими характеристиками. Ну, типа Геракла. А некоторые аль-дионниты селились на севере – например, те, что вошли в земную историю под именами асов, скандинавских богов: Один, Тор, Локи, Хеймдалль.

Примерно в Птыс. до н.э. все дионы, отмотав сроки, покинули Землю, а вот теперь приехали обратно их сыновья и дочери: трое мужчин и две женщины. А с ними дядюшка-наставник, этакий космический дядька Черномор – старый космический зэк Вотан, на Земле более известный как Один...

Они прибыли сюда с тупой голливудской целью: снова установить свою власть над нашим миром. Только кандидатам в боги доступно разъясняется – даже с их паранормальными способностями не попрешь против баллистической ракеты с ядерной боеголовкой. Впрочем, наши мужики быстро смекают: из сотрудничества с этими дионами может выйти толк. К примеру, потомки «богов»-зэков могут легко скачивать любую информацию из человеческого мозга, вследствие чего сразу начинают говорить с нашими на чистом русском. Кроме того, они на время могут становиться невидимыми. Наконец, силища невообразимая.

Наши решают, что можно замутить хорошенькое дельце, тем более что дионы, несмотря на свои способности, наивны как дети и порой просто туповаты. Но тут в здравые расчеты наших людей вмешивается некто Астарот Вельзевулович Добродеев, представитель параллельной расы инферналов, в просторечии известной как «нечистая сила». Он только что узнал о прибытии дионов, в связи с чем украл у своего босса важную информацию и хочет предложить ее дионам. А его босс – это единственный из старшего поколения дионов, кто все эти пять тысяч лет (истекшие с момента отбытия «богов» восвосяи) оставался на Земле. Его имя Лориер, в скандинавском пантеоне он мелькнул как Локи, но больше известен под именем Люцифер.

Добродеев открывает тайну: оказывается, если тот, кто соберет семь Ключей Всевластиа, поместит их в определенное место, а именно – место приземления ПЕРВОГО ПОЛЕТЕВШЕГО В КОСМОС ЧЕЛОВЕКА, то ВСЕ человечество в своем мироощущении будет отброшено на пять, а то и семь-восемь тысяч лет назад. Проще говоря, современный человек внезапно начнет шарахаться от авто как от жутких чудовищ, а обычный мобильник воспринимать как талисман злобных богов. И все эти метаморфозы – за одну секунду!!!

Естественно, такая информация, поступившая от самого Люцифера, интригует. И вот эти семь Ключей от нашего мира, от всей нашей культуры:

1. Кусочек посоха пророка Моисея.
2. Кинжал из бока Гая Юлия Цезаря со свежей кровью.
3. Прядь волос Наполеона Бонапарта.
4. Трубка товарища Сталина, только что из употребления.
5. Фрагмент крайней плоти Нострадамуса.
6. Топор Авраама Линкольна.
7. Хвост кобылы хана Батыя.

Естественно, нормальный человек возмутится подобной чушью. Так, самый здравомыслящий из тех, кто встретился с дионами, журналист Афанасьев, говорит, что если прядь волос

Наполеона и трубку товарища Сталина еще можно раскопать в музее, то со всем остальным – извините. На что ему говорят: это не проблема. Оказывается, могут ребята с Аль Дионны проникать в любое место и время на Земле, но только на двое суток, а дальше их выбрасывает снова в Россию-2004.

Возражения бесполезны. И начинаются путешествия по мирам, погоня за Ключами, которые мент Васягин, еще один наш герой, презрительно именуется «отмычками»...

Жан-Люк Пелисье допивал коньяк и рассматривал то Добродеева, то мрачного Афанасьева, то толпу дионов, которые тоже рассредоточились по разгромленному мини-маркету и уныло налегали на спиртное.

«О времена, о нравы... – думал Пелисье. – Это известное изречение получает совсем новое звучание для трех археологов, которые находят в долине Нила мумию древнеегипетского вельможи. Ведь один из археологов русского происхождения, то есть я, Жан-Люк Пелисье, прочитывает на руке трехтысячелетней мумии вытатуированную надпись... на современном русском языке, гласящую: „Колян с Балтики“!!! И что же? Это необъяснимое происшествие, как оказалось, перекликается с другим, случившимся на несколько недель раньше в России. Трое наших (одного из которых, между прочим, зовут Коляном) сталкиваются с группой странных существ, которых и пришельцами-то не назовешь. Индивиды из другого мира претендуют на власть над нашей многострадальной планетой, ссылаясь на свои наследственные права!

Оказывается, их папы и мамы в свое время жили на Земле в ссылке и безобразничали как хотели, благодаря чему получили известность как... боги. Античные, скандинавские, прочие. Наши земные ребята доходчиво объясняют, что всё не так просто: против баллистической ракеты не попрешь даже с такой непробиваемой тупой башкой, как, скажем, у Эллера, сына Тора. Кандидаты в боги чешут в репе... И вот тут всплывает некий сакральный свиток, содержащий на редкость дурацкие сведения о том, как вернуть наследственную власть. Для этого нужно собрать семь Ключей к миру, семь загадочных «отмычек» всевластия, знаковых предметов из различных эпох: посох Моисея, кинжал с кровью Цезаря, даже хвост коня Батгья... черт знает что! Но дурные на всю голову пришельцы принимают содержимое свитка всерьез, и наши ребята волей-неволей включаются сначала в нелепую, а потом очень опасную, увлекательную и запутанную игру. И кто, кто просил меня, мирного француза, влезать в игры этих сумасшедших русских и еще более сумасшедших «кандидатов в боги»?!

Заполучив все семь Ключей, компания отправилась на место приземления первого человека, летавшего в космос. Небезызвестного Юрия Гагарина. Собственно, ничего хорошего из этого не вышло. Здесь, у обелиска со взлетающей ракетой, они встретили того, кто и остался в главном выигрыше: Лориера. Этот хитрый дион, единственный из всех уроженцев далекого мира оставшийся на Земле со времен первого пришествия «богов» на нашу планету, быстро расставил все точки над *i*. Именно он оказался в выигрыше от миссии «Семь Ключей Всевластия: обретение и применение». А наши герои, так много сил положившие на достижение известной цели, оказались даже не у разбитого корыта, нет!.. В роли корыта выступало всё человечество, явно не ожидавшее такого подарка.

Единственное, что оставалось делать Афанасьеву со товарищи, – это забраться в один из круглосуточных саратовских мини-маркетов, оставшихся бесхозными после тотального одичания продавцов, куда-то сбежавших. Забраться и приступить к горестному уничтожению халявного алкогольного запаса.

– Э-эх!!

...Пелисье окинул взглядом всю пеструю компанию. Колян Ковалев, бизнесмен. Вася Васягин, сержант. Женя Афанасьев, журналист. Эллер, сын Тора, детина с нечесаной гривой и фигурой, над которой улил бы слезами зависти даже старина Арни, Терминатор-1 (а также Т-2 и Т-3). Альдаир, белокурый сын Зевса, фотомодельной внешности здоровяк. Анни, дионка. Галлена, дочь главного проказника Лориера. И еще Вотан, он же Один, и еще Поджо, и... В

обшем, шестеро дионов, четверо людей и бледный, трясущийся инфернал (черт) Добродеев. Итого – одиннадцать против всего одичавшего мира.

– Ладно, ребята и девчата, – сказал Афанасьев. – За что боролись, на то и напоролись. Вместо вас, хороших, теперь всем заправляет Лориер. Мы сами ему преподнесли власть на блюдечке. Голубая каемочка тоже наблюдалась. Что мы имеем? Планету, одичавшую в одну секунду. Населяют ее несчастные люди-дикари, на лицо ужасные, да и внутри, если рассудить здраво, – тоже ничего хорошего. Мы сами устроили такой культпросвет. Что будем делать, уважаемые человеки, почтенные дионы и особо высокочтимый инфернал?

Добродеев, который не без оснований считал себя застрельщиком столь губительной для судеб мира затеи с «отмычками», вздрогнул и еще больше съезжился. По его бледному лицу текли свинцовые слезы.

– Я... я не хотел... – бормотал он. – Я не знал. Но что же теперь... что же теперь делать, а? Что делать?

– Это уж ты сам должен знать, ведь ты у нас такой находчивый: найдешь какую-нибудь гадость и на уши ее вешаешь, – зло сказал Женя. – Вот и наворотили делов. Наследили и в настоящем, и в прошлом. Сколько разных нелепостей!.. Благодаря нам вот и Колян стал предком Ивана Грозного, – он кивнул на мрачного Ковалева, – и мумии обнаруживаются с татуировками на русском языке.

– Да хрен с ними, с мумиями, – буркнул Колян, ни на кого не глядя, – тут с нынешним раскладом бы разобраться!

– С хреном у мумий проблемы, – глубокомысленно заметил Пелисье. – Не говоря уж о...

Снаружи раздался дикий вой. Мент Васягин, в чьем мозгу еще сидели установки на сохранение порядка, выглянул из мини-маркета. Мимо промчались несколько растрепанных людей. С улюлюканьем они бежали за тощей уличной собакой. По всей видимости, в их враз оскудевших мозгах проснулись охотничьи инстинкты. А о такой вещи, как наполненный едой домашний холодильник, уже никто из них НЕ ПОМНИЛ.

Афанасьев побледнел.

– Еще немного и город превратится черт знает во что, – пробормотал он. – Сейчас шесть часов утра, представляете, что сотворится, когда заработают будильники, поднимая своих ОДИЧАВШИХ хозяев на работу? Это же черт знает что!!! – повторил он.

– Не знаю!!! – взвыл Добродеев, но на этот раз каламбур никому не показался смешным. – Я ничего уже не знаю! Но нужно что-то делать!

Здоровенный Эллер первым из дионов подал наконец голос:

– А что, – сказал он, – а мне нравится. А то раньше, клянусь бородой Мимира, людишки были какие-то церемонные. (Пообщавшись с Афанасьевым, простак дион успел набраться умных слов.) Нужно, чтоб по-простому. А то сколь досадно было!

Произнеся эту неслыханно длинную для себя речь, Эллер схватил литровую бутылку водки огромной своей лапищей и, откусив зубами горлышко и сплюнув его, стал пить. Афанасьев покосился на него и пробормотал:

– Ну конечно, он-то себя теперь как рыба в воде чувствовать будет. Раньше он один охотился на телевизоры и коляновский джип, а теперь таких интеллектуалов хоть пруд пруди.

– Истинны слова твои, – пробасил старый Вотан, до пределов возможного выпучив единственный глаз, дико сверкающий из-под развесистой, лохмотьями, шляпы и вытянув длинную красную шею.

– Но как же так? – спросил Пелисье. – Ведь теперь никто не умеет пользоваться техникой, ездить на машинах и даже в общественном транспорте, никто не умеет проникать в Интернет, никто не может войти в метро и, самое страшное, выйти из него... Падают авиалайнеры, потому что пилоты забыли искусство управления самолетом. Тонут подводные лодки, корабли сбиваются с курса... Никто не умеет читать и писать, и даже до смешного!... если кто-то в

ТОТ самый момент, когда мы активировали «отмычки», ехал в лифте, теперь не сумеет из него выйти, думая, что...

– Что замуровали, демоны! – мрачно процитировал Колян Ковалев.

Классику советского кино и он помнил. Сержант Васягин всё это время вертел головой, глядя то на одного, то на другого говорившего. Потом высказался и он:

– Наверно, по всему миру идет всплеск правонарушений. Ведь законы тоже забыли, да?

Добродеев завыл, Ковалев с досадой плюнул, а чувствительный француз Пелисье вцепился в свои волосы и один за другим вырвал два солидных клока. Дионка Галлена покосилась на него и сказала:

– Ты самонадеян, о человек. Думаешь, тебе кто-нибудь сделает новую прическу? Все приличные парикмахеры сейчас даже мамонта причесать не смогут.

Афанасьев сжал голову руками и присел на корточки.

«Это же... это же кошмарный сон какой-то! Мир скатится в тартарары к вящей радости любезного Люцифера, который подстроил нам всю эту подлянку с легкой руки своего глупого слуги Добродеева!.. Одна половина человечества переколотит другую! Конечно, во всем нужно искать свои плюсы: теперь никто не знает, что такое феминизм, гомосексуализм, коррупция, никто не станет призывать на борьбу с кариесом, перхотью и критическими днями!.. Но минусов несравненно меньше, тут даже и сравнивать не приходится. Нужно что-то делать. Единственное, что во всём этом может вызывать у меня чувство глубокого удовлетворения, как сказал бы дорогой Леонид Ильич, – так это то, что я, судя по всему, на данный момент являюсь САМЫМ УМНЫМ человеком планеты. Таким статусом могли похвастаться разве что Эйнштейн с Львом Толстым, каждый в свое время. Беда только в том, что Толстой был умнейшим из двух с половиной миллиардов, Эйнштейн – примерно из четырех, а вот я тоже из четырех. Только не миллиардов, а просто четырех человек, из которых один Пелисье хоть что-то соображает. Васягин и Колян – это, конечно, не мыслители. А дионы, при всех их плюсах, всё-таки туповаты. И...»

Афанасьев вздрогнул всем телом. Клин глубокой, продолжительной, остро отточенной боли разломил голову. Афанасьев поднял глаза и встретил гневный взгляд Альдаира. Белокурый дион сжал кулаки и сделал шаг вперед. Не придержи его прекрасная дионка Галлена, Женя мог подвергнуться чувствительным побоям.

Размышляя о своей роли в истории, он упустил из виду способность несостоявшихся богов читать мысли как открытую книгу.

– Значит, вот как, о неблагодарный! – произнес Альдаир, и от мощных раскатов его голоса треснули и потекли две бутылки пива. – Ты списываешь нас со счетов, забывая, сколь многим и обильным обязан нам! Достоин ты кары!

– Какая ему кара? – вмешалась Галлена. – Он среди нас едва ли не единственный, кто хоть что-то соображает!

– Что ты рекла, о дерзкая?! – встrepенулcя и возмущился старый Вотан, никогда не отличавшийся покладистым нравом, теперь отягченным еще и старческими психозами. – Или хочешь ты сказать, что недостает ума у меня, мудрого Вотана?..

Галлена поспешила смягчить выражения. Впрочем, она всегда умела мягко стелить – генетика. Всё-таки дочь хитрого Локи, он же Лориер, он же новоиспеченный властитель мира Люцифер.

– Я хотела сказать, о мудрый Вотан, что этот человек более нас знаком с этим миром. И, чтобы победить Лориера, его помощь, равно как и помощь его соплеменников, будет потребна.

– Вот это благочестиво сказано, – одобрил Вотан, натягивая шляпу на череп так, что из-под нее остался торчать только подбородок.

Галлена глянула на Афанасьева и Пелисье, которые, по ее мнению, были наиболее смекалистыми среди людей, и произнесла:

– Ну, что же вы собираетесь делать?

– Что МЫ собираемся делать, – поправил ее Женя. – Ну что же. Гм... во-первых, я хотел бы предложить перейти в более безопасное место. Мало ли что может случиться. Не надо торчать на открытом воздухе. Это может оказаться опасным.

Мускулистый Эллер сорвал с пояса молот Мьелльнир, доставшийся ему в наследство от отца Тора, известного своей привычкой швыряться упомянутым снарядом во всё и вся, что его не устраивало. Нрав у экс-бога был, что и говорить, вздорный, да и его потомок Эллер не отличался монашеской кротостью. Рыжебородый атлет прокрутил свою железяку раз и другой, так что взвыл разорванный в клочья воздух, и свирепо заорал:

– Ты хочешь сказать, что мы должны забиться по углам, как трусливые овцы, и дрожать? Думаешь, Эллер испугается ваших дикарей, которые выбивают глаза железным чудовищам? (Эллер имел в виду какого-то озверевшего в результате катаклизма транспортника, который монтировкой выбивал фары троллейбуса, крича при этом что-то вроде: «Я вышиб глаз чудовищу!») Как ты смел обвинить меня в трусости, ничтожный? Да сунься сюда хоть сам Лориер, я так угощу его, что ног не унесет!..

Пелисье и Афанасьев переглянулись. Вот и имей дело с этими храбрецами, хотел было подумать каждый их них, да не посмел. Быстро сформулировав ответ, Женя проговорил с максимальной почтительностью:

– Уважаемый Эллер, никто и не думал обвинять вас в трусости. Но не все же так храбры, как вы.

– Это точно! – объявил дион и с грациозностью стенобитного тарана врезал себе кулаком по груди. Гул пошел по всему мини-маркету. Сидевший в углу черт Добродеев выпустил из ноздрей две сернистые струйки мутно-синего дыма. Афанасьев произнес:

– Я хотел предложить вот что.

– Говори! – каркнул из угла старый Вотан, хотя его дозволения никто особенно и не спрашивал. Впрочем, на своем опыте Афанасьев уже осознал, что любую, даже самую бестактную выходку дионов следует принимать как нечто само собой разумеющееся. В конце концов, несмотря на свои экстраординарные способности и до смешного безудержные амбиции, они были большими детьми. А детям следует потакать, особенно если это дитячко под два метра ростом и способно голыми руками заломать медведя.

– Прежде всего нам нужно узнать, сохранил ли кто-либо, кроме нас, прежнее сознание и прежнее восприятие мира, – начал Женя. Нет, не так. Пожалуй, немного сложновато для Вотана, Эллера и особенно брата последнего, толстого и прожорливого диона Поджо. – Я хотел сказать... нужно узнать, все ли люди стали дикими, такими, как в ту пору, когда мудрый Вотан был богом нашего мира. Или кто-то уцелел, как мы. Это очень важно. И прежде всего нужно сделать это в городе, где мы сейчас находимся. Нам же еще отсюда выбраться надо.

– Ну и что дальше? – шепнул Пелисье.

– А черт его знает, – хрестоматийной фразой ответил Женя, и наученный горьким опытом инфернал Добродеев только горестно вздохнул. – Для начала поедем на телецентр. Есть у меня одна идея.

– Поедем? – влез Васягин. – На чем?

– Да на чем угодно! Вон, хотя бы на том грузовике, – сказал Женя, сквозь разбитое кем-то из дионов стекло кивая на стоявший неподалеку КамАЗ. – Я тут, в Саратове, бывал, так что до телецентра с ветерком прокатим.

В кабину КамАЗа полезли: Колян Ковалев за руль, Женя Афанасьев указывать дорогу, а Галлена и несносный Эллер – в нагрузку. Прочая братия с шумом и гамом загрузилась в кузов, и поехали.

По дороге Галлена обратила внимание на пустынную улиц.

– Спят, поди, – буркнул Колян.

– Да нет, тут другое, – чуть помедлив, сказал Афанасьев. – Ты представь себе чувства мезолитического человека...

– Кого-кого?

– ...мезолитического человека. Человека, жившего семь – десять веков назад. Просыпается такой мезолитический человек, по всему полагая, что он у себя в пещере, накрытый шкурой убитого позавчера дикого тура. Или тому подобного буйвола. Протирает глаза. И вдруг видит дивный чертог с ровными стенами, украшенными дивными петроглифами...

– Чем-чем, блин? – снова влез Ковалев, крутя баранку.

– Да не перебивай. Петроглифы – наскальные надписи, если по-простому. То есть, конечно, на самом деле это обои, но попробуй докажи это троглодиту! Далее. Подает свой голос невиданного обличья птаха – короче, будильник. А, не дай бог, включится по таймеру музыкальный центр или телевизор! Помните, почтенный Эллер, как вы швырялись могучим молотом Мьелльнир, хвала ему в веках, в несчастный телевизор у меня дома? Тогда мы только... гм... познакомились, и вы, почтенный Эллер, с непривычки...

– Да уж помню, – проговорил здоровенный дион, оглаживая рыжую бороду. – Дерзким и страшным показалось мне то диво, потому и молот бросил.

– Вот именно! А у теперешних обитателей нашего мира, и этого города в частности, враз превращенных в дикарей, мудрости и оглядки несравненно меньше, чем у вас, уважаемый Эллер, – на всякий случай подлил меда лести Афанасьев. – Так что не сразу люди выйдут из своих жилищ. Может, только к вечеру.

– А те, кто и не был дома? – озадачил Ковалев. – К примеру, всякая разная молодежь, которая по ночным клубам тусняк давит?

Женя Афанасьев взъерошил ладонью свою макушку.

2

Нет, не к добру Колян уже несколько месяцев общался с Вотаном, даром прорицания наделенным: слова Ковалева немедленно оказались пророческими. КамАЗ вписался в поворот, и открылся вид на ночной клуб «Мамонтова пещера». Какое трагически верное название!.. Никому из присутствующих не приходилось бывать в этом ночном клубе, более того, из всех путешественников только Афанасьев был в Саратове ДО этого! Однако даже недалекому Васягину, отиравшему спиной кузов КамАЗа, в секунду стало ясно, что хозяева клуба и его проектировщики не это, ну не это имели в виду, когда давали своему детищу такое ВЕРНОЕ, такое точное в условиях новой действительности название! «Мамонтова пещера»!!!

Перед клубом бесновалось около трех десятков молодых людей и девушек чрезвычайно агрессивного вида.

Особенно усердствовали девушки. Бедный неоновый мамонт, символ клуба, уже не светился, так как он был атакован десятком пьяных индивидов эпохи позднего мезолита. Одна лохматая особь, кстати, женского пола, вскарабкалась на самый верх потухшей неоновой панели мамонта и усиленно колотила пяткой в бивень «животного» с явной целью отколоть последний на сувениры.

Статуя охотника в набедренной повязке была повалена – троглодиты не терпят конкурентов. Бутафорное копьё вырвано из руки несчастной статуи, и высокий тощий парень в белом свитере колотил им в витрину с явной целью разбить ее. Несколько особей в стороне перекидывались мобильниками, очевидно, принимая их за прихотливые амулеты. Из глубины клубного помещения слышался грохот: как оказалось позднее, около десятка «пещерных» товарищей под организованным руководством лысого индивидуума крушили телевизоры, музыкальную аппаратуру и барные стойки. Последние заслужили такую немилость пьяного дикого народца тем, что состояли из зеркальных панелей и, соответственно, отражали всю сущность посети-

телей клуба в полный рост. Чуть поодаль сидел человек в спортивном костюме «адидас» и сосредоточенно разглядывал то свою левую кроссовку, которую он держал в руке, то связку ключей от уже неведомой ему квартиры. Ключи вызвали у него особое восхищение, потому что, потряся ими и добившись металлического бряцанья, товарищ пустился в кровожадный ритуальный пляс. К нему тотчас же подключились два мезолитических красавца в пиджаках и девушка в блузке. Дама отличилась тем, что немедленно разорвала в пляске и блузку, и лифчик под ней – к вящей радости всех тех, кто видел это шоу эпохи позднего мезолита.

Колян вдавил ногу в тормоз и выглянул из кабины. Вид у него был откровенно озадаченный.

– А что? – наконец сказал он. – Нормальная такая вечеринка.

– Скорее уж утренник, – поправил Женя Афанасьев, глянув на наручные часы.

– У нас в сауне с пацанами и не такое бывало. Вот когда Гена Сиплый как-то раз нажрался и принял свою телку за прокурора области Сан Саныча Тараканова...

– Достаточно, – остановил его Афанасьев. – Твой Сан Саныч Тараканов сейчас, поди, охотится на носорогов.

– Каких носорогов?

– Шутка у меня такая. Дурацкая. А вот твой Гена Сиплый, как и вон тот товарищ в «адидасе» и с ключами от квартиры, от катаклизма явно ничего не потерял. Мозгов-то у него и раньше не было.

Явление КамАЗа народу позднего мезолита меж тем породило широкий резонанс. Дикари обернулись. Даже длинный тип в белом свитере, дробящий копьём витрину, приостановил свою плодотворную деятельность. По всей видимости, они должны были принимать продукцию Камского автомобильного завода за подвид какого-то особенно диковинного чудовища с громадной железной головой, короткими лапами и панцирем (в виде кузова). Собственно, размышлять никто долго не стал. Длинный парень в белом свитере, то ли самый пьяный, то ли самый воинственный, первым подал пример, издав дикий вопль и швырнув копьём в КамАЗ. Его примеру последовали прочие. Как оказалось, они разворотили ограду клуба и выдрали из нее бронзовые колья со светлыми острыми наконечниками. Уж больно они напоминали копья, собранные вместе в один большой и годный к применению арсенал!

Губительность этого маневра все пассажиры грузовика быстро почувствовали на себе.

– Колян, гони, пока нас тут не-э-э-э-э!.. – заорал Женя Афанасьев, даже привставая с сиденья от натуги.

– Ты за нас боишься? – отвечал Ковалев и разве что не ткнул пальцем в свирепо ошетилившегося Эллера.

Этот уже накручивал свой Мьелльнир, явно готовясь швыряться им в новоиспеченных дикарей. Судя по тому, какие звуки доносились со стороны кузова, прочие дионы тоже не собирались проявлять миролюбие, а бравый сержант Васягин (насколько друзья знали его) так и вовсе почел бы своим долгом пресечь вопиющее правонарушение. К тому же в самом что ни на есть общественном месте.

– Ну так гони! – крикнул Афанасьев.

– Да как? Этот длинный урод колесо пропорол! Вот сука! Да я сейчас сам пойду его загашу!

Афанасьев вовремя вспомнил, что у его приятеля Ковалева, даже не подвергнувшегося действию катаклизма, ума ненамного больше, чем у несчастных клубных дикарей, кидаящихся мобильниками и крушащих неоновое мамонта. Он покачал головой. Нужно было что-то немедленно предпринять, иначе побоища с участием дионов, Ковалева и Васягина с одной стороны и тинейджеров эпохи позднего мезолита – с другой не миновать. Ему помогла Галлена, у которой, как неоднократно подмечал Женя, ума было больше, чем у остальных пяти ее

соплеменников вместе взятых. Она схватила Эллера за руку, уже готовую бросить чудовищный молот прямо сквозь лобовое стекло, и закричала:

– Да опомнись, о неразумный! Ты хочешь воевать с этими людишками, враз ополоумевшими по нашей, кстати, вине? Ты же великий воитель, о Эллер, и не ратишься с червями! Они недостойны того, чтобы пасть от твоей руки!

Эллер, кажется, внял ее словам. Женя мысленно поблагодарил Галлену, и она, мгновенно подхватив его мысли, повернулась к Афанасьеву с лукавой улыбкой на губах.

В кузове, слава богу, тоже обнаружился свой миротворец. Им оказался Альдаир. Белокурый гигант выпрыгнул из кузова КамАЗа на землю и, сделав три шага, оказался у переднего колеса грузовика. «Что он собирается делать?» – подумал Афанасьев. Свистнул выдранный из ограды металлический кол и ударился в асфальт прямо около ноги Альдаира, однако отпрыск Зеурса (известного в нашем мире как Зевс) даже не обратил на это внимания. Он наклонился, завел обе ладони под днище КамАЗа, и Ковалев с Афанасьевым почувствовали, как кабина начинает крениться.

– Черт, какая силища! – невольно вырвалось у Жени, и тут КамАЗ стал падать набок.

– Берегись!!! – пискнул Колян, сорвавшись на фальцет.

Массивный грузовик с чудовищным грохотом упал набок. Лопнуло лобовое стекло, с жалобным звяканьем разбилось и стекло у водительской дверцы. Эллер врезался башкой в стойку кабины. Стойка погнулась. Женя и Колян отделались легким испугом и двумя или тремя царапинами; Галлена вовсе не пострадала. Да и по Эллеру после его контакта с кабиной что-то не было заметно, что он огорчен или испытывает дискомфорт.

Из кузова посыпались дионы, охреневший Васягин и инфернал Добродеев. Последнему не повезло больше остальных: прямо на него свалился громадный, грузный дион Поджо, прожорливый, как вечно голодный бегемот. Поджо даже не заметил, как взвыл под его тушей Астарот Вельзевулович. Такие мелочи, как падение грузовика и крики Добродеева, ничуть не отвлекли тучного Поджо от увлекательного занятия, а именно пожирания сырых пельменей вместе с упаковками. Пельмени, как легко догадаться, были утащены из бесхозного мини-маркета.

– Он что, сдурел? – взвыл Колян Ковалев. – Ты че творишь? – отступив от рамок этикета, заорал он на весьма довольного собой Альдаира. Впрочем, тот не обратил внимания на гнев Коляна. Он сосредоточенно колотил кулаком по днищу опрокинутого вместе с пассажирами и водителем КамАЗа. Наконец он перестал и, отступив на два шага, оглядел дело рук своих. А потом царственным жестом указал замершим троглодитам на поверженный грузовик. Дескать, сие я содеял.

Женя подтянулся и вылез из кабины.

– А-а, кажется, я понял, что уважаемый Эллер хочет донести до этих индивидов, – сказал он Галлене. – Он хочет дать им понять, что он только что победил ужасное чудовище и дарит свою добычу им. Вот они сразу все и утихомирились. Ну точно! Колян, ты только взгляни на это! Лезь сюда, говорю!

– Да я и так вижу! – проворчал Ковалев, выползая из кабины через разбитое, разошедшееся полосами лобовое стекло.

Посмотреть в самом деле было на что.

Длинный тип в белом свитере, который, верно, возомнил себя самопровозглашенным вождем племени, подскочил к Альдаиру и выдал несколько замысловатых коленец с выкидыванием ног высоко перед собой. Очевидно, этим варварским способом он выражал удовлетворение и благодарность. Потом он выдернул из толпы застывших за его спиной молодых людей девушку в светлом платье и, рыча, принялся сдирать с нее одежду. Ему помогал лысый тип с серьгой в левом ухе и в толстовке с дурацкой и кривой надписью: «No drugs your drinks!» Когда на девушке остались только трусы, длинный осмотрел ее с головы до ног, пощупал грудь (та и

не думала сопротивляться, а только скалилась), хлопнул по заднице и подтолкнул к Альдаиру. Тот смотрел вопросительно. Длинный подпрыгнул на месте и выкрикнул несколько коротких отрывистых слов.

– Он тебе ее дарит! – со смехом крикнул Афанасьев. – Ты убил для них чудовище, о могучий и славный Альдаир, а он дарит тебе женщину из их племени! Бери, пока дают!

– А что, ничего девчонка, бери, – поддержал Колян, оглядывая голую мезолитическую прелестницу.

Тут вмешалась Галлена, которая немедленно приревновала своего родича к непонятной туземке, выставившей напоказ свои прелести.

– А ну!.. – сказала она, выступая вперед. – Что сие за непотребство? Убери свою женщину, ты! – рывкнула она на длинного «вождя» в белом свитере. – Немедля прекратите!

Мезолитические товарищи, переталкиваясь и выпуская короткие отрывистые слова, во все глаза смотрели на Галлену и Альдаира, но подарочную девицу забирать назад не спешили. Потом вождь вскинул вверх руки и завопил:

– Канхья ду бьврррр!

– Бьврррр! – заревела толпа, потрясая верхними и даже нижними конечностями.

– Пьор фрррр бузи! – продолжал красноречивый вождь и принялся раздирать на себе нарядный белый свитер, никак не заслуживающий такого дикого обращения с собой. – Мран мманг бьврррр!

– Бьврррр! – повторно заревела покорная толпа мезолитических тинейджеров и предприняла несколько, несогласованных беспорядочных прыжков.

Афанасьев, который с некоторым остолебенением наблюдал это выступление предводителя перед своим добрым народом, вдруг почувствовал, как на его плечо легла чья-то рука. Он обернулся и увидел Пелисье. Французский археолог облизнул губы и проговорил:

– Видишь ли, Женя. Конечно, этот язык настолько примитивен, что даже наши уважаемые друзья с Аль Дионны, способные видеть наши мысли столь же ясно, сколь ясно видим мы содержимое прозрачного бокала... даже они не могут уразуметь, о чем вещает этот... гм... месье в драном свитере. Однако я немного понимаю. Дело в том, что я серьезно занимался проблемами расхождения языков – проще говоря, определял сроки того, когда тот или иной язык отмежевывался от общего праязыка. Это называется глоттохронологической лексикостатистикой, или просто лексикостатистикой, или, в просторечии – глоттохронологией...

– Ни хрена себя просторечие! – простонал Женя, а Колян Ковалев безгласно выпучил глаза и побагровел, как будто на его шею накинута удавка.

– Так вот, – продолжал месье Пелисье, не обращая внимания на тихое безумие своих товарищей, – с помощью метода глоттохронологии можно определить, к какому периоду принадлежит тот или иной язык и на какой стадии становления он находится. Темп сохранения или же НЕсохранения слов в течение выбранного времени относительно постоянен (как постоянна скорость радиоактивного распада), а шансы каждого слова сохраниться или не сохраниться равны. Проще говоря...

– Проще, проще!.. – пискнул сержант Васягин, чьи мозговые извилины в числе двух явно подверглись серьезному перегреву.

– ...проще говоря, метод глоттохронологии в лингвистике – это примерно то же самое, что метод измерения скорости полураспада в физике. Метод радиоактивного полураспада определяет возраст какого-то предмета, материи, а метод глоттохронологической лексикостатистики – возраст языка, языкового материала...

Рыжебородый Эллер вынул молот. Пелисье понял, что пора закругляться.

– Так вот, – затараторил он, – я примерно могу датировать возраст того языка, на котором сейчас изъяснялся этот месье в белом... гм... бывшем белом свитере. Вне всякого сомнения, слово «бьвррррр» является ностратической праформой...

– Пелисье! – в панике крикнул Афанасьев.

– ... праформой слова *buga* – вертеть, сверлить, – с дикой скоростью забубнил Пелисье, – в общедравидском *rog* – отверстие; в праиндоевропейском *b(u)g* – сверлить, рыть, колотить; в пракартвельском *br(u)* – вертеть; в семито-хамитском *b(w)g* – сверлить, копать, проделывать отверстие! Проще говоря, языковая праформа «быврррр» может, точнее, обязана относиться к лексике так называемой надсемьи праиндоевропейского языка. А это – не меньше семи тысяч лет тому назад. Такой же вывод мы можем сделать на основе анализа фонетической модели слова «мран»...

Афанасьев схватил Пелисье за руку и почти силой заставил умолкнуть, чем спас его от больших неприятностей. Потому что и Эллер с молотом, и Колян Ковалев без молота, но с очень свирепым выражением лица готовы были применить самые жесткие методы воздействия на зарвавшегося археолога. Впрочем, ему повезло.

Галлена сказала:

– Слишком много слов. Я так понимаю, что эти дикари говорили на языке, на котором говорили не меньше семи тысяч лет назад.

– Я бы мог сказать вам то же самое, о неразумные, – выдвинулся на передний план Вотан. – Этот человек, – без особых церемоний он ткнул пальцем в «вождя», – говорил о том, что они хотят изжарить («пьор») в честь тебя, Альдаир, пиршественную дичь, насадив («быврррр») ее на вертел.

– Пьор, пьор! – загомонили мезолитические красавцы.

– Ну конечно! – снова подал голос Пелисье, для которого научная сторона вопроса, кажется, заслонила возможную перспективу получить тумак, а то и хуже. – Пьор¹. Этой праформе никак не меньше семи тысяч лет!

– Так, – пробормотал Женя, – значит, семь тысяч лет? На столько откинула наша затея с «отмычками» всё человечество? На каждый Ключ Всевластия – одно темное, страшное тысячелетие, назад, туда, в каменный век?.. Отлично! А я еще надеялся, что всё это...

– Да нет, – грустно сказал Пелисье. – Так и есть. Эти люди находятся на уровне развития дикарей позднего мезолита, как мы и предположили сразу. Они отстают от нас на семь тысячелетий!

...От мезолитических ребят и их даров удалось отделаться, и наши герои продолжили продвигаться к телецентру, который отстоял от разгромленного ночного клуба «Мамонтова пещера» на несколько кварталов. КамАЗ, ясное дело, бросили. Пришлось воспользоваться рейсовым автобусом, в котором, конечно же, никого не было.

Пустой, запертый телецентр оказался Жене Афанасьеву диким и страшным. Все было погружено во тьму. С помощью молота Эллера и дикой силищи Альдаира удалось проникнуть внутрь запертого помещения главной студии Саратовского телевидения. В свое время Афанасьев работал тележурналистом, так что он прекрасно знал, как обращаться с техникой. Он указал, как следует навести камеру и расположить освещение, а потом сам встал перед объективом и сказал волнуясь:

– Уважаемые граждане города Саратова! Если кто-то из вас видит сейчас меня и в состоянии понять, немедленно позвоните в студию вашего телевидения. Телефоны студии 54-03-23, 55-54-21. Я очень прошу вас... откликнитесь! Откликнитесь, и да не оставит вас РАЗУМ!

Мороз пробежал по его коже. Он мгновенно представил себе одичавший, вычищенный от разума город, пустые глаза дикарей. Темные пещеры подъездов, мертвые лифты, брошенные автомобили с разбитыми фарами. Одичавшее, страшное, темное человечество.

¹ Пьор – праформа слов «огонь», «пылать». Сравните это с корейским *rig* – огонь, а также с немецким – *feuer*, да и современное русское «пламя» и английское *fire*. – Здесь и далее примеч. авт.

Афанасьев повернулся к Ковалеву и Галлене, которые сидели на телефонах, а потом вдруг увидел, как прожорливый дион Поджо тянет в рот высоковольтный кабель. Женя взвился в воздух и крикнул:

– Не смей, идиот!!!

...Поздно. Зубы ненасытного кандидата в земные боги легко прокусили оболочку кабеля. Брызнул сноп искр.

От раздувшихся щек и вытянувшихся губ Поджо густо повалил дым. Его затрясло, и тут же студия погрузилась во тьму. Только слышно было, как Поджо, повалившись на пол, глухо мычит и повизгивает.

И тут прозвенел звонок. Телефонный звонок. Колян Ковалев протянул руку, но Афанасьев крикнул: «Не надо, дай я сам возьму!» и бросился к аппарату. Он схватил трубку и выдохнул:

– Говорите, я вас слушаю! – Молчание.

– Говорите же!..

Послышалось какое-то сдавленное мычание, вроде того, что издавал Поджо, закусивший высоковольтным кабелем. Афанасьев открыл рот, и тут в ухо ему брякнул надсадный, дикий вопль:

– Нимми, нимми!..

И – грохот. Афанасьев едва успел отстранить трубку от уха. А потом полились короткие гудки. Афанасьев повернулся к напрягшемуся, непривычно молчаливому Пелисье и спросил:

– Жан-Люк, что такое «нимми»? Ты не мог бы предположить?

Тот помолчал.

– Ну?

– «Нимми», – как будто нехотя начал Пелисье, – это... это подтверждает все худшие мои предположения! Нимми – это праформа *ni-mi* – «имя, заклинание, гадание». Праформа мощная, встречается в диалектах японского языка: *gi-mae* – «имя». Еще персидское *pat*, готское *patō*, английское *patē*. Возраст праформы – семь—десять тысяч лет.

– Значит, «имя, заклинание, гадание»? – тихо спросил Женя. – Стало быть, тот тип, который случайно набрал наш номер, заклинал трубку, накладывал на нее какой-то запрет?.. Принял мой голос за голос какого-то своего... племенного демона, нечистой силы?

– Да, – глухо ответил Пелисье.

Женя Афанасьев схватил телефонную трубку и принялся набирать номера разных городов России. 095 – Москва, 812 – Петербург... Самара, Екатеринбург, Владивосток, Калининград, Сочи, Архангельск, Красноярск, Новосибирск. Пусто. Гудки уходили за гудками, теряясь где-то там, в гулкой, жадно впитывающей звуки, как губка воду, тишине. Афанасьев смахнул со лба пот и набрал Лондон. Там у него жил знакомый. Никого. Париж. Глухо. Токио. Никто не подходит. Австралия. Женя едва не выронил трубку, когда приятный женский голос на чистом английском языке произнес: «Здравствуйте. С вами...»

– Девушка, милая, вы как ангел!.. – по-русски завопил Женя, практически цитируя великолепную песню Владимира Семеновича.

– «...говорит автоответчик».

– Не сходите ж с алтаря, – бледными губами вытолкнул Женя фразу из знаменитой песни Высоцкого и еще секунд двадцать слушал, как на прекрасном английском языке невидимая австралийская девушка рекомендует ему дожждаться сигнала и сообщить цель своего звонка. Женя положил трубку и зажмурился, потому что ясно, как если бы это было наяву, увидел девушку, чей приятный, мелодичный голос он только что выслушал. Девушка крадучись подходила к кустам, за которыми паслись два страуса нанду. В ее руке был бумеранг, а за ее спиной виднелся рослый дикарь в драных джинсах и с огромной дубиной – выломанной из уже ненужного офисного стола массивной ножкой...

3

– Нужно в Москву, в Париж, по всему свету, – сказал Пелисье тоном, по сравнению с которым любая надгробная речь показалась бы радостным панегириком. – Я всё-таки не верю, что все, решительно ВСЕ люди потеряли разум и стали злобными, неотесанными, грубыми дикарями. Что все они забыли прекрасный французский, великий русский, звучный итальянский, мужественный немецкий, чеканный английский язык. Что теперь они изъясняются на тупых, неоформившихся наречиях, мало отличающихся от звериных воплей.

– Вот только без лирических отступлений, – сказала Галлена. – Конечно, нет никакого сомнения в том, что люди такими и стали. Собственно, мы сами этого добивались. Ну и добились. С той только разницей, что теперь миром правим вовсе не мы, а Лориер, мой почтенный родитель. Впрочем, едва ли он питает ко мне отеческие чувства и сделает меня своей соправительницей, а всех нас – счастливыми властителями Земли. Папа удавится, но властью не поделится ни за что. Жизни он нам тут не даст.

– Я думаю, что нам нужно вернуться.

– Куда? – спросил Эллер.

– Домой. На Аль Дионну.

– Что-о-о-о?

– Да что слышали, уважаемые соплеменники. Сейчас Лориер получил большую власть.

– Да, сие суть истина, – важно сказал старый Вотан. – Лориер теперь властелин настоящего и будущего. Тяжко будет бороться с силой, которую мы сами, аки глупые свиньи, вручили коварному Лориеру. Но думаю, что рано возвращаться на Аль Дионну. Да и мало в том смысла. Вот что скажу вам!.. Сегодня, когда ехали мы на спине железного чудовища, поваленного Альдаиром, задремал я. И приснился мне сон.

Все дионы – Альдаир, Эллер, Поджо, и две дионки – Галлена и черноволосая Анни – устали на своего титульного предводителя. Конечно, Вотан был далеко не так силен, как Альдаир, не так энергичен и свиреп, как Эллер, и даже не так умен, как Галлена, однако же у него был ряд достоинств, кои определенно помогали старому экс-богу бодро идти по жизни. У него был огромный опыт борьбы с Лориером – раз. У него была прекрасная интуиция, которая много раз выручала всех присутствующих, – два. Кроме того, старый Вотан, страдая бессонницей и засыпая только под утро, становился счастливым обладателем разнокалиберных снов. Сны были лохматы и неряшливы, как старая вешалка с кое-как накинутыми на нее плащами, пальто, рубахами, с приткнутыми ботинками, гамашами, сапогами с налипшей на них грязью с травинками. Сны были нелепы и со стороны казались даже глупыми, однако в них всякий раз заключалось зерно истины. Истины, которую едва ли можно было обнаружить, не будь поблизости старого Вотана с его дурацкими, глупыми, неряшливыми, бутафорными – ПРОВИДЧЕСКИМИ! – снами.

– Приснился мне сон, – продолжал старый Вотан, – будто под деревом, а было это то ли оливковое дерево с узловатым древним стволом, то ли душистый кедр... зарыт под тем деревом ларец. В ларце покоится древний пергамент с письменами холодными как лед. Много веков назад зарыт сей ларец, и тот, кто найдет его и прочтет письмена, а потом сделает в точности по писаному, то спасет он мир.

– Ага, – скептически пробормотал Колян Ковалев, – в ларце утка, в утке заяц, в зайце бутылка водки, а там и смерть Кощева.

– Тяжело найти тот ларец, но если узрят ТЕ письмена свет, то зашатается трон проклятого Лориера и падет вдруг, а под его обломками останется и сам владыка настоящего и будущего! – торжественно рек Вотан, восторженно теребя шляпу и выпучивая единственный свой глаз. На скепсис Ковалева и его оскорбительные слова он не обратил никакого внимания.

– А где же зарыт тот ларец? – вмешалась Галлена. – «Под каким-то деревом» – этого явно недостаточно для того, чтобы найти ларец.

– Если он вообще существует, – задумчиво шепнул кто-то. Кажется, месье Пелисье.

Вотан посмотрел на Галлену и изрек:

– Я же сказал, женщина. Ларец зарыт то ли под кедром, то ли под древним оливковым деревом!

– Да, очень точные координаты, – с серьезным лицом отозвался Афанасьев. И немедленно стал жертвой гнева вспыльчивого и желчного старика.

– Ты что же, не веришь в истинность того, что я прозрел в том сне, несчастный червь? Или хочешь усомниться в мудрости снов, которые осеняют мою голову?

– Ни в коем случае, мудрый Вотан, – лицемерно начал было Афанасьев, но старому диону уже попала вожжа под хвост. Его понесло:

– Клянусь черепом и седой бородой моего отца, славного Бора, престолом Хлидскьяльв, на коем восседал я в пору моего могущества, ты посмел усомниться в моем сне!..

Они стояли у фонаря возле телецентра, оказавшегося совершенно бесполезным, пустым, брошенным. Вотан Борович бушевал, а все прочие, стеснив в душе досаду, терпеливо дожидались конца этой вспышки. Сенильные психозы были не редкость для лица столь почтенного возраста. Наконец Вотан умолк, а Альдаир спросил:

– Что же было в том правдивом сне еще, о мудрый Вотан? Ведь не смеем подвергать истину, заключенную в словах твоих, сомнению и тем паче осмеянию! Однако же должны мы знать, где зарыт ларец, в котором гибель Лориера!

Вотан вцепился всей пятерней в свою бороду и несколько раз с силой дернул ее. Наверно, таким образом он стимулировал мыслительный процесс, худо-бедно, со скрипом, но протекающий в его древней головушке. Наконец он пожевал нижней челюстью и выговорил:

– Помню, что знал я дорогу. Явился мне во сне ворон Муни, который восседал на моем плече, и вел за собой. Шел я по полету ворона и узнал место, где таятся древние письмена, холодные как лед, синие как небо. Но, верно, ослабела память моя, ибо не упомяну, где...

– А ворон-то его где? – шепнул Васягин на ухо Коляну Ковалеву.

– А хрен его знает, – тихо ответил тот. – Улетел куда-то. После таких непоняток и не удивительно вовсе. Козел, который был при Эллере, сейчас у меня на даче отвисает. А может, и сбежал уже, что скорее всего. А ворон куда-то соскочил.

– М-м-м, – глубокомысленно отозвался сержант Васягин.

Они не успели закончить этого разговора, равно как старый Вотан Борович не довел до конца свой занимательный рассказ о посетившем его сне. Откуда-то послышался дикий рев, испущенный несколькими глотками, и сложно было определить, кто источник этих звуков – человек или зверь... Истина оказалась где-то посередине, потому что из-за угла ближайшей девятиэтажки выскочили несколько дикарей, вооруженных уже известными нам копьями. Однако гнались не они – гнались за ними. Непонятно, как копьеносцы (а среди них был и длинный «вождь», но уже без свитера и с окровавленной спиной) умудрялись сохранять дистанцию между собой и своими преследователями, потому что в роли этих самых преследователей выступали ТРИ ТИГРА, ЛЕВ и здоровенный пятнистый ЯГУАР. У Афанасьева вытянулось лицо. Ковалев коротко выматерился и попятился к стене, а инфернал Астарот Вельзевулович Добродеев молча полез под «Волгу», припаркованную накануне к телецентру кем-то из журналистов. Да и дионы выглядели несколько озадаченными.

– Откуда звери? – спросила Галлена. – Они...

– Кажется, я могу ответить на этот вопрос, – выговорил Афанасьев. – Тут неподалеку должен быть зоопарк. Я бывал в этом городе и в зоопарке тоже, вы знаете. В теплое время года зоопарк располагается под открытым небом. Альдаир, вы же помните, что эти несчастные мезолитические парни хотели в честь вас зажарить на вертеле какую-нибудь дичь? Ну так вот,

наверно, они решили убить тигра или льва и открыли клетки. Ну, как в «Полосатом рейсе». А хищники не захотели быть съеденными. Вот охотники и дичь поменялись местами.

– А что? – вдруг сказал Эллер. – Жареная дичь – это звучит привлекательно. А пожрать не мешало бы.

И прежде, чем кто-либо успел сообразить, рыжебородый громила раскрутил молот Мьелльнир и швырнул им в зверей, преследующих бедолаг-дикарей. Молот просвистел в воздухе. Только мгновенная реакция спасла от больших неприятностей здорового тигра, возглавлявшего погоню. Он упал на землю и, перекатившись, снова встал на лапы. Молот с грохотом впечатался в стену панельного дома и проделал в ней довольно внушительную выбоину. Эллер заревел. С легким жужжанием молот поднялся в воздух и полетел обратно в руки к своему хозяину.

Тигры и лев остановились. Только ягуар продолжил погоню за незадачливыми дикарями, а четверо покрупнее, хлеща по бокам хвостами, смотрели на более привлекательную добычу. Лев рыкнул и неспешно направился на мягких лапах по направлению к Афанасьеву, Эллеру и компании. Люди похолодели. Даже дионам стало не по себе, а из-под «Волги» уже слышалось натужное, страдальческое сопение перетрусившего инфернала.

– Мы, темный народец, невкусные, серой пахнем, – причитал он. – Кошечки, милые, не ешьте меня, а? Ну что во мне проку – кожа, кости да рога с копытами!

Впрочем, трусливый инфернал оказался единственным, кто так явно уклонялся от схватки. А схватка, нарисовавшаяся так неожиданно и нелепо, оказалась неминуемой. По крайней мере тигры и лев рисовали для себя привлекательную перспективу скорого завтрака. Вне всякого сомнения, они сегодня еще не питались, да и кто бы стал кормить зверей в ОЗВЕРЕВ-ШЕМ городе?.. Так что, оставив ягуара в одиночестве гнаться за выходцами из клуба «Мамонтова пещера», четыре крупных хищника, вырвавшихся на волю, вознамерились наполнить себе желудки.

Впрочем, из зоны их досягаемости тотчас же исключили деликатесы. Эллер, мужчина довольно грубый, но имеющий свои представления о джентльменстве, легко перекинул через ограду телецентра обеих женщин – Анни и Галлену, и таким образом, самая изысканная трапеза ускользнула от зверей на своих двоих. Стоя по ту сторону ограды, дионки с тревогой ожидали, как мужчины – по праву сильного – будут защищать их и самих себя от угрозы, угрозы тем более реальной, что у четверых дионов и четверых людей было единственное оружие, а именно – молот Эллера. И если могучие Эллер, Альдаир и Поджо имели надежду отбиться от зверей голыми руками, то Колян, Женя Афанасьев, сержант Васягин и Пелисье не питали по этому поводу ни малейших иллюзий.

– Вот тебе и первобытная природа!.. – в отчаянии выкрикнул Афанасьев. – Пелисье, что же ты замолчал, скажи тигру что-нибудь о... ну, например, об изменчивости митохондриальной ДНК и вариабельности диаллельных локусов нерекombинирующей части Y-хромосомы!.. Эту чушь любил говаривать один мой знакомый биолог, пока не умер от белой горячки и в результате падения с третьего этажа на арматуру! Скажи!! Может, тигр и не станет есть такой ученый завтрак!

Пелисье с сопением выдирает из земли какой-то кол. Им французский археолог предполагал отбиваться от злобных полосатых тварей. Тем временем ближайший тигр прыгнул и уже в воздухе встретился лбом с молотом Эллера. Контакт вышел явно не в пользу зубастого: его голова разлетелась, как гнилая тыква. Залитый кровью и мозгом, молот с жужжанием летел обратно в руки могучего диона.

Лев прыгнул на Альдаира. Его мощные лапы сомкнулись на торсе диона, и оба повалились на асфальт. Альдаир ревел и рычал ничуть не тише хищника, чьи мощные когти оставляли на обнаженной спине кандидата в боги глубокие, обильно кровоточащие полосы.

...Тигр смотрел прямо на Афанасьева, Коляна Ковалева, Васягина и Пелисье, прижавшихся друг к другу и ошестившихся кто чем: Пелисье – деревянным колом, Васягин – острым обломком кирпича; Женя же Афанасьев и Колян Ковалев прикрывались крышкой канализационного люка. Тигр прыгнул.

Крышка люка вылетела из рук друзей, как пробка из бутылки шампанского. Тигр смахнул тяжелую железку одним ударом лапы, как ничего не весящую безделицу. Люди посыпались в разные стороны. Пелисье успел вытянуть хищника колом по хребту, однако это повредило тому не больше, чем слону хрестоматийная дробина и мертвому – припарки. Сержант Васягин, державший оборону до последнего, наконец пренебрег честью своего мундира и молча полез на фонарный столб. Руки и ноги соскальзывали, но сержант был упорен.

И несдобровать бы оглушенным Афанасьеву и Ковалеву, несдобровать и Пелисье!.. Ведь могучие дионы были заняты борьбой с остальными голодными хищниками. Ибо валяется на земле, что есть сил пережимая тело льва, белокурый гигант Альдаир, и течет по его телу кровь, смешиваясь с выступившими по всему телу крупными каплями пота! И Эллер, сблизившись с другим зверем на максимально допустимую дистанцию, машет молотом со скоростью, недоступной обычным людям, а рыжие волосы хлещут по плечам, и ревет, громя, разрывая утренний воздух, мощная голосина диона!.. Забыли, забыли несостоявшиеся боги, что под боком у них подвергаются чудовищной опасности их соратники, простые смертные, обычные земные люди, по определению не способные с голыми руками что-то противопоставить вырвавшимся на свободу хищникам! Толстый Поджо хлещет по морде третьего тигра, белые клыки толстяка с Аль Дионны клацают, а в глазах, желтоватых, с выпуклыми белками, осмысленности ничуть не больше, чем у его полосатого оппонента.

И только – старый Вотан...

Лежа на земле, Афанасьев беспомощно смотрел на то, как тигр приближается к нему, к Пелисье, к полуживому после столкновения с полосатым хищником Коляну Ковалеву. «Всех не успеет, но кому-то умереть!.. – мелькнула мысль. – Эх, как глупо, как глупо!..»

Ну что же!..

Женя вскочил на ноги и крикнул:

– Ну, иди сюда, тварь! Иди сюда, полосатая гнида! – Тигр задергал хвостом. Женя гримасничал, прыгал перед своей полосатой смертью, как дикарь, не хуже тех, из «Мамонтовой пещеры». Что-то не укладывалось в крошечном мозгу зверя. Полосатый хвост метался из стороны в сторону, хлеща по бокам, и прыгали в глазах зверя две желтые терпкие искры...

– Аа-а-а!!!

Уже в полете тигр вдруг получил чудовищный удар в бок. Его развернуло, и лишь великолепная скоординированность организма помогла ему опуститься мягко, точно на подушечки лап. Это старый Вотан в последний момент настиг хищника. Старый бог древнего мира точно помолодел в этот момент. Он сорвал с головы шляпу, седые волосы разметались по плечам и единственный глаз вспыхнул с молодым, звонким свирепым восторгом! Старый плащ выстелился в воздухе, и Вотан прыгнул прямо на спину тигра – не хуже, чем за мгновение до того сам тигр устремился прямо на неистовствующего Афанасьева.

– Ай да старикан! – воскликнул Колян Ковалев. – Просто укротитель!

Эти слова как нельзя лучше соответствовали действительности. Сидя верхом на тигре и хохоча при этом гулким, как из бочки, смехом, старый дион с размаху нахлобучил тому на голову свою старую, пропахшую плесенью и давно не мытыми волосами шляпу. Слепленный, тигр завертелся на месте. Сияясь сбросить с себя неожиданную напасть, он то подпрыгивал метра на два вверх, то бил задки не хуже записного жеребца, а потом упал на асфальт и стал кататься по земле. Вотан держал крепко. Хватка у него была железная, но, видно, старик был не так вынослив, как его более молодые соплеменники Альдаир и Эллер. Тигру удалось сбросить с себя Вотана Боровича и ударом лапы сбить со своей головы шляпу.

Зверь расвирепел.

И тут...

– Тангриснир! – пролепетал Женя Афанасьев.

В самом деле, нельзя было ошибиться. Непонятно откуда возник громадный, с лошадь размером, козел. У него была длинная косматая борода, здоровенные рога толщиной с добрую оглоблю и мощные ноги с устрашающими копытами. Никто не успел разобраться, откуда взялась эта рогатая скотина и как она нашла путешественников, но нельзя не признать, что явление Тангриснира случилось как нельзя кстати. Козел стукнул копытом об асфальт, без труда проломив его, и вынесся прямо на тигра. Стартовая скорость у него была сумасшедшая. Козел наклонил голову и на полном ходу врезался в тигра, с силой припечатав того к фонарному столбу, по которому полз бедняга Васягин.

Едва ли даже самая богатая фантазия может измыслить все те последствия, которые имел этот короткий, молниеносный маневр Тангриснира. Тигра едва не разорвало надвое и, коротко рывнув, он издох. Из его нутра выбило целый фонтан крови. Столб содрогнулся и рухнул: его выворотило из асфальта, согнув при этом в дугу. С грохотом разбился фонарь. Васягина сорвало с самой вершины столба и, пронеся по воздуху метров пять, кувыркнуло в развесистый куст. Только это обстоятельство спасло ему жизнь, смягчив падение.

Но это еще не всё. Сила удара, вывернувшего столб, была такова, что, ударившись о землю, он снова подскочил в воздух и, окончательно выкорчевавшись из своего основания, опустился точнехонько на непокрытую голову Вотана.

Старый дион без чувств рухнул на окровавленный асфальт.

Козел остановился и, оглядев картину принесенных им разрушений, виновато заблеял.

Альдаир и Эллер, практически одновременно справившись каждый со своим противником, поднимались с земли. Из куста торчали обутые в форменные милицейские ботинки ноги сержанта Васягина. Колян Ковалев сидел с тем остолбенелым выражением лица, которое в свое время было у него в последних классах школы (как следствие – исключение в девятом классе за неуспеваемость).

Галлена и Анни, как представительницы прекрасного пола не принявшие участия в этой феерической бойне, уже перемахнули через забор и бросились к старому Вотану. Долгое время он не подавал признаков жизни. Альдаир задал риторический вопрос, на который не получил ответа, тем паче этот вопрос был задан бессловесной твари по имени Тангриснир:

– Ты вообще откуда взялся-то?

– Он же, кажись, у меня на даче был, – бормотал Колян Ковалев, всё так же сидя на земле.

– Был да сплыл, – мутно сказал Пелисье. – Нашел хозяев. Прирученные звери своих хозяев могут найти по чутью. Вот... был такой случай, когда кот пришел к своему хозяину в другой город. Сейчас... ну, сейчас, наверно, то же самое.

– Да помолчал бы ты, ученая ворона, – грустно сказал Женя Афанасьев.

В этот момент старый Вотан открыл глаза. Точнее, конечно же – глаз. Глаз на его морщинистом лице проклюнулся мрачный, налитый кровью, с остановившимся бессмысленным взглядом. Вотан задергал губами, и несколько слитных, малоразборчивых звуков сползло с них. Вотана бережно усадили, он оглядел склонившиеся над ним лица и уронил низким, хриплым голосом:

– Вспомнил!!!

– Что вспомнил, мудрый Вотан? – заботливо осведомилась Галлена. – Что ты вспомнил?

– Вспомнил. Небо рухнуло мне на голову, но приоткрылась глубина памяти. Вспомнил, вспомнил, где в моем сне зарыт тот ларец, в котором хранятся письмена, погибель Лориера хранящие! Это древний масличный сад, на тропах которого уже горят следы великого пророка этой Земли. Под корнями древнего оливкового дерева, которому три тысячи лет, зарыт тот ларец.

– Какой, какой сад, о мудрый Вотан? – в один голос спросили Пелисье и Женя Афанасьев.

– Масличный сад, обнесенный каменной стеной! Течет там ручей Кедрон и уходит в небо гора, имя которой – Елеонская. Древний город, и большая мудрость за века накопилась в нем.

Женя Афанасьев выпрямился. Пелисье нервно переплел пальцы обеих рук и качнулся вперед.

– Так, – сказал Афанасьев, – кажется, знаю я, о каком саде речь.

– Я тоже, – кивнул Пелисье. – Гефсиманский сад.

– Это че за лесное угодьё? – влез Колян. Афанасьев не выдержал:

– Сам ты лесное... чудо! Историю надо учить, болван ты необразованный. И мифологию. Гефсиманский! Это тот самый сад, где, по преданию, римская стража схватила Иисуса Христа...

Часть первая

ЕЩЕ СЕМЬ ОТМЫЧЕК ВСЕВЛАСТИЯ

...Второй ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью. И умерла третья часть одушевленных тварей, и третья часть судов погибла...

Откровение Иоанна Богослова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И пока что не очень веселая...

Израиль, Иерусалим, октябрь 2004 года

1

– Весело, ничего не скажешь!

Эти слова Жени Афанасьева, сказанные примерно месяц спустя после описанных выше событий, как нельзя лучше характеризовали ситуацию, в которой оказались горе-путешественники по мирам. Последний месяц они провели чрезвычайно насыщенно. Одичавшее население всячески способствовало тому, чтобы последним уцелевшим людям двадцать первого века не было скучно. В город, как усвоили на своем горестном примере все наши герои, лучше было не соваться. Причем – в любой город. Сначала на примере Саратова, а потом и Москвы они приняли к сведению, что пребывание в городах чревато непредвиденными последствиями. Выпущенные на свободу поволжские тигры – это были еще цветочки. Мезолитический электорат РФ, окончательно расставшийся с остатками приличий, вел себя в городах, как орда пьяных гуннов в Древнем Риме, и даже хуже. Собственно, Афанасьев лишний раз убедился, какой механизм саморазрушения заложен в психике каждой двуногой твари. И если раньше тонкий налет цивилизованности еще как-то не позволял реализоваться этому губительному механизму, то сейчас, в НОВОМ КАМЕННОМ веке, разрушительные способности человеческой природы проявились в полной мере. Собственно, принцип был прост: то, чего ты не понимаешь, должно быть сломано, разрушено, раздавлено.

Сообразуясь с этим неблагодарным принципом, население эпохи позднего мезолита, заброшенное в технократическую цивилизацию, и действовало. Очень скоро и Афанасьев с Пелисье и товарищами, и даже дионы, куда менее чувствительные к проявлениям человеческой неотесанности, и инфернал Добродеев поняли, что существовать с дикарями бок о бок нереально. «Вот над кем вы собирались утвердить вашу власть!.. – потеряв контроль над собой, воскликнул Афанасьев, созерцая плоды бурной деятельности дикарей в Москве. – Впрочем, мы все хороши!» Эллер хотел огреть его молотом, но, подумав, отказался от такого решения вопроса, характерного, между прочим, для нынешних обитателей планеты.

Обосновались на даче Коляна Ковалева, откуда так ловко сбежал оставленный там Тангриснир. Правда, прежде чем проникнуть в дом, потребовалось выдержать короткую схватку с тремя троглодитами, поселившимися в гараже и устроившими там форменную мезолитическую пещеру. В троглодитах Колян узнал своих бывших братков, охрану дачи. Они и раньше

не блистали умом и манерами, а теперь ходили, обмотавшись скатертями, и вовсю орудовали дубинами, в роли которых выступали самые что ни на есть натуральные бейсбольные биты. Этими битами они перебили все зеркала и стекла на даче: видите ли, их очень забавлял процесс!..

Несчастный Колян Ковалев, кажется, впервые в жизни задумался не на шутку. Ему пришло на ум, что мозги и воспитание – это не такая уж малосущественная вещь, как он полагал ранее. Прежние ценности Ковалева – наличка и прихваты во властных структурах, сиречь связи, – потеряли всякую целесообразность. Колян не спал три ночи подряд, а на четвертую явился в комнату Жени Афанасьева и попросил научить его истории, литературе, владению русским языком, а к Пелисье, как к французу, обратился с предложением обучить его приличным манерам как за столом, так и вне стола.

Афанасьев и Пелисье переглянулись, и на их губах появились понимающие горькие усмешки. Насмотрелся!.. Насмотрелся Колян на то, как ведут себя одичавшие экс-россияне! Раньше-то, откровенно говоря, манеры самого Коляна не сильно отличались от ухваток позднемезолитических товарищей, оборванными шумными кучками бродивших по округе. Он вполне мог позволить себе есть мясо руками, сморкаться в скатерть, справлять малую нужду в раковину (вместо предназначенной для того сантехники), а также материться в присутствии дам и хватать их за наиболее привлекательные фрагменты анатомического строения.

– И еще, старина Вотан, – сказал он почтенному одноглазому диону, – я хочу немедленно вернуть всё, что было! Этот ваш родственничек Лориер, который так ловко заделался главным паханом, кажется, оторвал слишком жирный кусок. Как бы не обломать ему об этот кусок свои гнилые зубы, а мы поможем! – Вотан захохотал.

Услышав эти слова, инфернал Добродеев едва не спятил от страха с ума, точнее – с того, что осталось от его ума после горячительных напитков, каковыми в расстройстве чувств он позволял себе последнее время злоупотреблять.

– Что вы, Николай, – пробормотал он, – нельзя так говорить о владыке мира. Думаете, он сейчас вас не слышит? Он, властелин настоящего и будущего!.. Он всё слышит! И я, как последний из цивилизованных инферналов, говорю вам: п-попридержите язык!

– Да ладно тебе, чертило! – махнул рукой Колян, но тут вспомнил, что с такими манерами он мало чем отличается от неотесанных пещерных чурбанов, заполонивших весь мир. – Я хотел сказать, Астарот Вельзевулович... разве ваши... это... земляки инферналы тоже одичали?

– А то как же! Они, то есть мы, такое же население Земли, как и вы, люди! – обиделся Добродеев. – Просто другая раса, вот и всё. И на нас точно так же действует стирание информационного поля, которое мы сами и провернули... да.

– По твоим наводкам.

– Так я же не знал, ЧТО произойдет! – возопил Добродеев. – Я думал, что... что будет лучше, если...

– Не трудитесь оправдываться, Астарот Вельзевулович, – вмешался Женья Афанасьев. – Мы все виноваты в равной мере. И мы, именно мы исправим содеянное нами. То есть – должны исправить, если хотим прожить хоть как-то...

С такими-то категоричными установками они и отправились в Иерусалим, чтобы разыскать привидевшееся старому Вотану во сне дерево. Смутное чувство возможного разочарования сидело в душе каждого, кто отправился в Израиль. А это были: старый Вотан Борович, Эллер, Галлена, Альдаир, Пелисье, Колян Ковалев и Афанасьев. Итого: семеро. Васягин и Добродеев еще не вполне оправались от саратовских приключений, прожорливому Поджо было решительно всё равно, удастся ли затея с поездкой в Израиль или нет. Главное, было бы пожрать, о чем он с возмутительной прямолинейностью и сообщил всем. Галлена обозвала его «тупой скотиной» и «проглотом», что и было успешно проигнорировано: Поджо увлекся поеданием запасов в погребах Ковалева. Судя по темпам, хватить должно разве на неделю...

Впрочем, Поджо обещал делать набеги на имеющиеся в округе продуктовые магазины. Звучало, правда, не очень оптимистично: большая часть продуктов в этих магазинах давно была разграблена и расхищена мародерствующими дикарями...

Еще одна дионка, Анни, осталась присматривать за больными Васягиным и Добродеевым. Да и за здоровым, как бык, Поджо, нужен был глаз да глаз. А тут еще и козел Тангриснир: не тащить же его за тридевять земель?

Возникла еще одна проблема: КАК добраться до Израиля? Ведь то, что было просто еще пару недель назад, теперь представлялось неосуществимым. Транспортная система парализована. В зданиях аэропортов и вокзалов давно устроены групповые лежбища троглодитов. Что касается испытанной способности дионов телепортироваться, то Альдаир от имени всех своих соплеменников уведомил Афанасьева, задавшего подобный вопрос:

– Видишь ли, человек... До того, как семью Ключами Всевластия мы открыли Лориеру дверь к власти, – мы могли бы оказаться в любой земле, которую бы избрали местом своего пребывания. Это так! Но теперь...

– Теперь мы утратили большую часть своей силы, – закончила Галлена.

Женя тяжело вздохнул.

Оставалось одно решение – добираться на перекладных. Колян знал, что в окрестностях есть военная база, где находятся несколько боевых вертолетов. Конечно, на вертолете до Израиля не добраться, но можно, максимально запасшись горючим, дотянуть хотя бы до Турции, а там уже на чем бог пошлет... Хотя Пелисье, неоднократно бывавший в Турции, полагал, что едва ли что может послать бог, кроме как толпу окончательно деградировавших турок, и раньше-то не самых деликатных людей на этой грешной земле.

Всеми правдами и неправдами, после приключений, попеременно то веселых, то печальных, то с мистической подоплекой, которую объясняли вмешательством подручных Люци... Лориера, – они добрались до Земли обетованной. Колян Ковалев посадил вертолет прямо на взлетную полосу аэропорта Бен Гурион. Счастье, что удалось дотянуть досюда... Ибо по непонятным причинам, еще находясь в воздухе, вертолет потерял массу горючего и едва не рухнул на землю, а когда Колян, ругаясь на чем свет стоит, попытался разобраться, в чем дело... раздался визгливый хохот, и несколько смутных теней, метнувшись прямо сквозь стены салона, исчезли!.. Дионы и люди переглянулись, и Вотан озвучил общее мнение:

– Клянусь кораблем великана Трюма, это выходки Лориера!.. Он не посмел бы, будь мы в полной силе! Но он истинный властелин настоящего и будущего, и всё зажато в его руке! Он не может убить нас, своих соплеменников, но вы – люди, и горе вам, если...

– Да ладно, дедушка, – грубовато прервал его Эллер, – не пугай их.

– Не очень-то напугались, – проворчал Колян, который, однако, взмок, как мышь.

– Властелин настоящего и будущего... – задумчиво повторил Афанасьев. – Гм... настоящего и будущего. А как же насчет прошлого?

Никто не ответил на эти слова, не заключающие в себе, казалось бы, ничего необыкновенного. Но Вотан свел брови, а Галлена нервно огладила пальцами свою стройную шею, и выражение лица у нее при этом было самое задумчивое и настороженное.

В десятке метров от того места, куда Колян посадил вертолет, виднелось несколько микроавтобусов – маршрутных такси, именуемых здесь «шерут». Впрочем, никого из тех, кто помнил это окрашенное в национальный колорит слово, поблизости не было и быть не могло. Аэропорт Бен Гурион вообще поражал своим безмолвием. Люди словно вымерли. Альдаир, наиболее зоркий из гостей Земли обетованной, из всех живых существ увидел только двух дикого вида бородачей, выглянувших из люка подземных коммуникаций. Они зыркнули на вертолет круглыми глазами и снова исчезли в отверстии.

– Смотрите! – воскликнул Женя Афанасьев. – А это что? Как же мы не заметили с вертолета?

– Боролись с нечистой силой, вот и не заметили, – буркнул Пелисье.

– А что такое? – поинтересовался Колян.

... На взлетной полосе догорало то, что, вне всякого сомнения, несколько дней назад было пассажирским лайнером. Вялые струйки дыма сочились откуда-то из глубины искореженной конструкции. Беспомощным обрубком торчало левое крыло, а правое и вовсе превратилось в кучу дюралюминиевых лохмотьев. Пелисье всплеснул руками. Колян внятно выматерился, хотя в последнее время всячески старался отучить себя от ненормативной лексики – из принципа! Однако сейчас был не тот случай, чтобы воздерживаться...

– Остается только удивляться, что это первый разбившийся самолет, который мы видим за всё это время, – буркнул Афанасьев, отворачиваясь. – Наверно, не все пилоты сразу ополоумели. Сажали на автопилоте, а потом как-то... дичали. Ай... да что там!

И он безнадежно махнул рукой.

Путешественники загрузились в машину и поехали по направлению к Иерусалиму. По пути Афанасьев то и дело вертел головой по сторонам, оглядывая живописнейшие окрестности на подъезде к одному из древнейших и славнейших городов мира. На его лице всё яснее выписывалось недоумение, смешанное с тревогой. Время от времени он высовывал голову в окно бодро мчавшейся машины и смотрел в темно-голубое южное небо, как будто оно могло дать ответ на мучившие Женю вопросы...

Неожиданно некоторые ответы пришли, но вовсе не с неба, а – с земли. Когда до города оставалось километров десять, они увидели на обочине дороги девушку лет двадцати с небольшим. Она стояла неподвижно, вперив мрачный взгляд в дорожное покрытие. Колян Ковалев указал на нее пальцем, а потом бросил сидящему за рулем Жан-Люку Пелисье:

– Тормозни, Ванек. Если бы не весь этот беспредел, я бы подумал, что это дорожная проститутка. Правда, тут, у евреев, с проституцией как-то не очень, я это еще в позапрошлом году отметил, когда приехал сюда насчет одной сделки к бывшему моему корешу, Жоре Райхелю. Смотрю я, вид у этой девчонки совсем не дикий.

– Вот это и настораживает... – пробормотал Пелисье, и Женя Афанасьев мысленно с ним согласился.

Однако маршрутное такси всё равно затормозило, тем более что девушка подняла руку, пытаясь остановить его. Не дожидаясь, пока машина совсем остановится, она припустила вдоль обочины вслед за ней, что-то быстро говоря на иврите. На иврите, который хоть и является древним языком, но отнюдь не семи тысяч лет от роду же!.. У Афанасьева подпрыгнуло сердце. Значит, кто-то уцелел? И они не одиноки на этой вычищенной от культуры планете? Колян Ковалев высунул из машины свое отнюдь не израильское лицо, и девушка, едва успев бросить на него один лишь взгляд, тотчас же перешла на русский:

– Я так понимаю, вы не местные?

– А ты почему знаешь, красавица, что мы не местные, да еще из России? – подозрительно осведомился Колян Ковалев.

Из машины уже выпрыгнул Афанасьев, а вслед за ним неожиданно появился старый Вотан, редко демонстрирующий подобную прыть (не считая ставшего уже притчей во языцех случая с тигром и козлом Тангрисниром).

– А на твоём лице написано! – сказала она.

Девушка была очень миловидна, выше среднего роста, с тонкими чертами лица, короткими темными волосами и темными же глазами слегка миндалевидного разреза. Ее не портил даже характерный носик, а фигурка и вовсе была очаровательна. Колян, у которого по понятным причинам уже пару недель не было женщины, тотчас же оценил это и принял к сведению.

– Я смотрю, едет машина, – сказала девушка, – а тут в последнее время никто, кроме как пешком и вприпрыжку, не передвигается. До сих пор не пойму, что за напасть такая! Правда, старый Аарон Исаевич, хлебнув вина, обычно говаривал, что на носу конец света, но вы бы

видели нос Аарона Исаевича!!! Думали, что если конец на кончике такого носа, то можно смело глядеть в будущее – на наш век хватит! Оказалось, что не хватило... И ведь... и ведь как всё точно описано!

– Где, в газетах? – спросил Колян.

– Дурак! В каких газетах? Ты что, не читал?..

– Да что, что не читал? – В глазах девушки вспыхнул глубокий, мрачный огонь, голос сгустился до низкого, глухого контральто, когда она произнесла, облизнув губы:

– Откровение Иоанна Богослова.

– Ага, – вмешался Афанасьев, – значит, у тебя простое объяснение всему этому запустению? Апокалипсис? Интересно. Тебя как зовут?

– Ксения, – ответила та.

«Так, – немедленно отпечаталось в мозгу Жени Афанасьева практически помимо его воли, – Ксения в переводе с греческого означает „чужая“. Если вообще сейчас актуальны какие-то упоминания о древнегреческом, которого еще НЕ БЫЛО и быть не могло!..»

– Ксения.

– Николай Алексеевич Ковалев, – почему-то полным ФИО представился Колян и махнул рукой, – а это мои друзья.

– Странные у тебя друзья.

Колян невольно обернулся, проследив направление взгляда Ксюши. Там мрачной тенью застыл старый Вотан, кутавшийся в свой неизменный голубой плащ. Взгляд единственного глаза старейшего из дионов пристально впивался в Ксению, и если аналогичные нескромные взгляды Коляна можно было объяснить всего лишь длительным воздержанием, то у старого подозрительного экс-божества, верно, были более глубокие причины для такого, с позволения сказать, сканирования личности израильтянки. Когда он услышал последнюю фразу, то выступил вперед и, взмахнув здоровенной пятерней, воскликнул:

– Берегитесь услады для глаз ваших, ничтожные!

– Кажется, наш почтенный друг рекомендует тебе, Колян, не очень сильно пялиться на эту даму, – расшифровал дотошный Пелисье.

– Я понимаю, – заговорила Ксения, – что вы меня не знаете, однако не думаете же вы, что я нарочно...

– Молчи!!! Это сплошь ложь и коварство! – перебивая ее и невольно попав в рифму, завопил мудрый Вотан и сверкнул своим единственным оком, наливающимся кровью. – Сия девица, клянусь источником великана Мимира, суть порождение хитрого Лориера-Локи, а то и он сам!!

Колян Ковалев оглядел Ксению, ее, вне всякого сомнения, женские формы, округлые и весьма привлекательные для мужского глаза. Даже для такого замыленного на девичьих прелестьях глаза, как у Коляна Ковалева, известного бабника.

– Погоди, – недоумевающе сказал Колян. – Но Лориер, то есть Локи... в общем, тот рыжий тип без левого клыка и с противным голосом... который теперь как бы владыка мира... он, как бы – мужик. А это... она, в общем – баба натуральная.

Он даже протянул руку, чтобы потрогать Ксению за грудь и удостовериться в подлинности упомянутого органа, однако та споро шлепнула парня по руке и отскочила. Это еще больше убедило Вотана во вражеской природе израильтянки.

– Хитер супостат, – заявил он. – Хоть и стар я, но не потерял разум и память. Помню, как Локи, обратившись кобылой, породил восьминогую кобылу Слейпнира от жеребца Свадильфари! На сем Слейпнире ездил я в пору моей молодости и молодости сего мира! Понял ли ты, человеке? Сумел Лориер обратиться в кобылу, а в эту презренную женщину и подавно совладеет обернуться!

Девушка, кажется, обиделась.

– Это кто презренная, ты, старикан! – дерзко бросила она Вотану. – А за кобылу ответишь, а? Моему папе, Израилу Соломоновичу, однажды какие-то антисемиты сломали ногу, а ведь он только и сказал, что девушка одного из этих глупых гоев похожа на Эдит Пиаф! Правда, они думали, что это такое ругательство...

– Брэк, брэк! – закричал Афанасьев. – Мудрый Вотан, если эта девушка принадлежит к инферналам, то есть к племени нашего замечательного друга и соратника Астарота Вельзевуловича Добродеева, так мы ее в два счета проверим.

– Как? – насупился Вотан.

– Да есть у меня одна методика. Я по ней огонь добывал, когда спичек не было. Всё очень просто. – Афанасьев приблизился к Ксении, рассматривающей его с растущим недоумением, и вдруг крепко схватил ее за запястье. Она попыталась вырваться, однако левой рукой Афанасьев крепко держал ее, а правой осенил Ксению крестом раз, другой и третий и выговорил несколько фраз из молитвы «Отче наш», а закончил суровым: – «...И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне»².

Неискушенные в тонкостях христианской обрядовости дионы смотрели с видимым любопытством. Колян же Ковалев коротко хохотнул:

– А-а, помню! Обычно от таких Жениных штук у Вельзевулыча случалось маленькое извержение Везувия – из носа шел дым, из ушей огонь, или там наоборот, уж не припомню.

– Вроде всё чисто, – проговорил Афанасьев, отпуская руку Ксении. Та начала растирать запястье, а Вотан сказал в своей манере – замысловато, но убедительно и безапелляционно:

– Не могу сказать, что убедил ты меня, человек, однако же мы много времени вместе, прошли через труды и горести, и будет немудро с моей стороны отринуть твои поползновения распознать в этой девице врага.

– Да и на том спасибо, – прошептал Афанасьев. – Ну ладно, Ксения, если уж ты не против нас, то садись в машину. Только не к Коляну и не к Вотану Боровичу, а то один к тебе, кажется, сразу воспылал, а второй наоборот. Держись меня – целее будешь.

– А за себя-то не боишься? – улыбнулась та, влезая в машину.

Женя передернул плечами. «Хуже не будет, – подумал он, – а девчонка в самом деле симпатичная...» Дионка Галлена, мгновенно прочитавшая его мысли, скептически ухмыльнулась. Машина поехала.

2

– Гефсимания, масличный сад у подножия Елеонской, или Масличной, горы к востоку от Иерусалима, по дороге, ведущей от ручья Кедрон к Масличной горе, – академическим тоном сообщил Пелисье, ловко откупоривая бутылку вина. – Кстати, этот сад еще в семнадцатом веке был отдан в ведение ордена францисканцев, а в 1848 году они обнесли его стеной и устроили там монашеские огороды. Мне как-то приходилось общаться с францисканцами. Правда, это братия последнего созыва. Такие прохвосты, если не сказать покрепче!.. Впрочем, здесь дамы.

– Нет, вы уж продолжайте, – вежливо сказала Галрена.

– Да, – подтвердила Ксения, в восьмой раз за последние три минуты оправляя на груди кофточку под тропическими взглядами Коляна Ковалева.

– А что продолжать? – спросил Пелисье. – Всё и так понятно всем, кроме Ксении. По всей видимости, ей придется узнать нечто такое, что не сразу уложится у нее в мозгу.

– Да ничего с моим мозгом не случится, – ответила Ксения. – Он тренированный. Мой бывший молодой человек позволял себе отмачивать такие штучки, что даже конец света не станет для меня намного большим потрясением.

² Евангелие от Матфея, 10:28.

Все переглянулись, а Пелисье сказал:

– Мы как раз и хотели поговорить с вами о конце света. Да, да! Женя, у тебя язык лучше остальных подвешен, может, вкратце изложишь Ксении Израилевне суть происходящего... да и того, что МОЖЕТ произойти, – тоже.

– Яволь! – отозвался Афанасьев почему-то по-немецки, а потом, повернувшись к Ксении и даже доверительно взяв ее за руку, сжато и конкретно изложил ей чудную историю о семи Ключах Всевластия, которые так круто перевернули мир с ног на голову и сделали из него большую разухабистую помойку.

Ксения слушала не перебивая, однако по тому, как расширились ее темные глаза, а нижняя губа страдальчески подрагивала, можно было определить, что она обо всем этом думает.

– Хорошенькие у вас шуточки! – наконец сказала она спустя минуту после того, как Афанасьев умолк, давая девушке переварить услышанное и убедиться в том, что она имеет дело не с параноиками и шизофрениками, а также не больна сама. – Хорошенькие у вас шуточки, уважаемые дамы и господа. Нет, конечно, по-хорошему я должна бы спросить, в какой психиатрической клинике вы содержались, но раз уж пошла такая пьянка, как говорят в России... Это же типичный конец света! Апокалипсис для шутников! Иоанн Богослов плачет слезами зависти от того сценария, который вы тут прокрутили! Сорвать весь мир с катушек – это нужно серьезно постараться. Тут, Женя, вы правы.

– Гм...

– Шесть миллиардов дикарей, расхаживающих по планете, – это, мягко говоря, перебор.

Колян Ковалев вмешался:

– Шесть миллиардов, шесть миллиардов... Но как же в таком случае ты не потеряла соображение, как все?..

– А я и сама не знаю. Во-первых, меня всю жизнь окружали такие идиоты, что я не сразу и поняла, что они поглупели еще больше. У нас в квартале живут в основном эмигранты из России и Украины. Так напротив нас живет Сима Соломоновна из Жмеринки, которая привыкла выливать грязную воду прямо на улицу, на белье, которое сушат ее соседи этажом ниже. Я понимаю, что в условиях сельской местности это еще ничего, но тут же цивилизованная страна! Так говорят они сами!.. И потому должна ли я удивляться, видя, как Сима Соломоновна, одичав на семь тысячелетий назад, с рычанием выкидывает из дома старый радиоприемник, который слушал еще ее дедушка в подвале на Украине, спасаясь от погромов. А вот рядом со мной живет... точнее жил Вова Гершман. Душевный человек! Шуточки у него были дурацкие-дурацкие! У него свое кафе. Так однажды около этого кафе рванула бомба, подложенная каким-то дурным арабом, так Вова Гершман взял ружье и пошел искать этого араба, потому что тот араб, представьте, не оставил визитной карточки. С собой Вова Гершман забрал всех своих официантов и повара, а к дверям присобачил объявление: «Никого нет. Все ушли на фронт. Будем к обеду». Юморист затасканный! Так вот я вам скажу, милые, что этот Вова Гершман после этого вашего катаклизма даже поумнел, что ли. Надо полагать, что семь тысячелетий назад здесь жили люди поумнее нынешних обитателей, и теперь Вова Гершман и Сима Соломоновна подпитываются от их энергетических информационных полей. Я правильно понимаю?

– Да мы сами пока что не очень хорошо понимаем, – отозвался Афанасьев. – А ты где была в момент... ну, в общем, когда всё произошло?

– А когда всё произошло?

– Мы поместили семь Ключей в сферу примерно в пять утра, – басом отозвался старый Вотан Борович. – И если сила отмычек обняла весь мир мгновенно, то утренняя заря осветила уже дикий Иерусалим.

– Честно говоря, у меня и без катаклизма вышла смятая ночь, – заявила Ксения. – Я поссорилась со своим молодым человеком, если эту двуногую скотину вообще можно именовать человеком после его хамских выходок. Ушла из дома, побрела куда глаза глядят. Наткну-

лась на русских туристов и с горя выпила. Со мной такое редко бывает, но часто случается, как говорил еще один юморист типа Вовы Гершмана. Но на этот раз я что-то особенно отличилась. Вот представьте – проснулась под деревом! Как приличная девушка, да еще с таким отчеством, как у меня, вообще может представить, что такое ночевка под деревом! Кстати, под деревом как раз в... Гефсиманском саду. Как я туда попала, сама до сих пор не понимаю.

– Под деревом? – вдруг подал голос Вотан. – Под старым оливковым деревом с узловатым стволом и двумя дуплами почти у самой земли?

– Да разве я упомяну, – махнула рукой девушка, – тут такая кутерьма завертелась, что у меня память вышибло! Ужас, ужас!.. Я потом расскажу, когда немного в себя приду. А вы-то как остались в норме? Ведь такой кошмар творится!

– То ли еще будет, – великодушно пообещал Колян. – Тут, типа, такой жесткий расклад, что мало никому не покажется, даже уважаемому Вотану Боровичу. – И Ковалев на всякий случай предупредительно взглянул на грозного дионского патриарха. Тот сидел с каменной физиономией и, казалось бы, нисколько не квалифицировал слова Коляна как хамство. И потому Ковалев, приободрившись, продолжал: – Ксюша, тут, понимаешь, такая нездоровая канитель нарисовалась. Было это около полугода назад. Ну, представь себе. Трое школьных друзей прекрасно проводят время на даче самого крутого из них, то есть у меня, Коляна Ковалева, типа.

– Скромный, – улыбнулась Ксения, слегка вытягивая гласные.

– Конец мая, теплынь, травка зеленеет, водочка потеет, – поэтично продолжал Колян, не обращая внимания на слова Ксюши, – благодать, словом. И вдруг на тебе: снег повалил. Ну что за отстой? Полная непонятка, типа. И тут на мою дачу явились какие-то мужики странного вида, с ними две бабы, – Колян оглянулся на Галлену, которая сидела с абсолютно спокойным видом, хотя, конечно, всё прекрасно слышала, – а на дворе у моего новенького джипа, нулевой тачки, которую я только тогда купил за семьдесят штукарей баксов... козел ростом с лошадь бампер обглаживает! И что я после этого должен думать? Хотел уже было дать себе обещание лечиться от алкоголизма, хотя у меня его и в помине не было никогда – это, типа, по работе в напряг идет. А потом началось такое, типа!..

И Колян начал излагать Ксении свою версию происшедшего, совершенно игнорируя то обстоятельство, что Женя Афанасьев уже излагал Ксении перипетии их путешествий по мирам. Приключения, которые должны были казаться ей пересказом какого-нибудь тупого американского фантастического триллера – по крайней мере так это звучало в изложении Коляна. Про семь «отмычек» Всевластия, про их собрание по мирам. Когда Колян затруднялся с определением того или иного момента, ему помогали более подкованные Пелисье и Афанасьев.

– ... а потом, значит, когда я остался в Древнем Египте после терок с фараоном и этим, как его... жидо... то есть пророком Моисеем... один тип попросил у меня скопировать мою татуировку, представляешь? Он там, типа, в крутых ходит, у фараона в близких, одним словом, как сказал бы Ванек, – тут Колян кивнул на своего родственника Пелисье, – бомонд. А этот бомонд, который у меня тату хотел скопировать...

– А что за тату? – спросила Ксения.

– Да так... типа наколка даже, а не тату. Это когда я еще на флоте служил...

– Ты служил?

– Ну да. Я и говорю: во флоте. Сделал себе наколку: «Колян с Балтики». Нормальная такая наколка, чисто на память пошла. А тот тип из египетских этих... как их... Женек!..

– Вельмож, – подсказал Афанасьев.

– Во-во! Этих самых! И этот вельмож мне, типа, говорит: дай-ка скопировать у тебя под ноль эту наколку. Ну, я че – от чистого сердца: давай, копируй, брателло!..

Ксения уже с трудом удерживалась от смеха.

– А этот тип из Египта, – сочно продолжал Колян, – пидором оказался!.. То есть, я хотел сказать, этим – нетрадиционной... гм... ориентации. И он, когда татуировщик переводил мою наколку на его лапу, то он начал меня слюнявить своими губами. В общем, такой урод оказался. Ну, я ему и врезал. А потом оказалось, что от того удара он...

Колян запнулся. Ксения спросила:

– Что?

– Ну, в общем, он, типа, – густо запинаясь, проговорил Колян, – в общем, он скопытился. А меня, типа... выкинуло в другую эпоху, потому что я... э-э... Женек, как там?..

– Нарушил рамки пространственно-временного континуума, – пояснил Афанасьев, – совершил качественный переход с воздействием на ткань временной ниши. Проще говоря, грохнул человека и изменил историю. И потом его выкинуло в другое время. Прямо к хану Батыю. А того типа, которого Колян приголубил...

– Женек!!!

– Ну, хорошо, хорошо, если тебе более прилична такая лексика, то – замочил. Нормально? – переспросил Афанасьев. – Ну и вот, Ксюша, похоронили того вельможу. Пролежал он, понимаешь, в своей гробнице две с половиной тысячи лет, если не больше. А в один прекрасный летний день вот этот гражданин Французской республики, замечательный археолог...

Пелисье церемонно поклонился.

– ...откопал древнеегипетскую мумию, а у нее на руке – татуировка!

– «Колян с Балтики»? – смеясь спросила Ксения.

– Да вот именно! И главное, экспертиза подтвердила, что мумии столько и есть – две с половиной тысячи лет! Думай, называется, что хошь! И Пелисье там надумал такого, что самому страшно стало. А куда денешься? Ну, не укладывается в голове, оттуда современный русский язык может быть в Древнем Египте! То есть... тогда не укладывалось. А сейчас уже куда проще соразмерить, сопоставить. Большое видится на расстоянии... вот мы и напридумывали непонятно чего, когда века, разделяющие нас и мумию, куда-то исчезли. Точнее – вот они – убрали.

И Афанасьев, который и произнес всю эту речь, указал на дионов, которые с некоторой настороженностью прислушивались к разговору людей, но сами вступить в него не торопились.

– У них есть способность проникать в сколь угодно далекое прошлое и оставаться там некоторое время, пока силы пространственно-временного континуума не выкинут их в исходную точку, – продолжал Женя. – Я же тебе говорил, но сразу это воспринять сложно, так что я готов повториться. Они проникают в прошлое... И с собой они могут брать в прошлое простых смертных, таких, как я. Вот таким манером лично я, простой журналист Евгений Афанасьев, родившийся в конце двадцатого века, а если точно, то 19 октября 1976 года, познакомился с пророком Моисеем, фараоном Рамсесом, товарищем Сталиным, ханом Батыем и прочими замечательными деятелями прошлого, чтоб их всех!.. И, как верно заметил Колян, – то ли еще будет! Вот такие дела, Ксюша. А ты говоришь – Апокалипсис. Всё произошло из-за того, чтобы мы, именно МЫ – стерли весь информационный и культурный пласт, всё то, что мы условно именуем ноосферой по определению профессора Вернадского и Тейяра де Шардена! И человечество вернулось в пещеры, будучи отброшенным в своем мироощущении на семь тысячелетий назад! Туда, в молодость человеческой цивилизации, в молодость мудрого Вотана! Вот так, Ксения, вот так!

Афанасьев умолк. Ксения смотрела на него неподвижно, не моргая. Потом шепнула бледными, безо всякого намека на косметику, губами:

– А я видела. Да, ты сказал – Апокалипсис, а до того – я сказала... Да! Я видела Апокалипсис. А что? Не смейтесь! Да и мне не смешно! «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела!» Вы еще увидите, как горит Гефсиманский сад, или уже сгорел, и горят по

всей стране деревья, которые дикари рубят себе на костры для жарения обеда! «Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море!» Наверно, вы не видели, как падали самолеты, пилотируемые одичавшими летчиками, – горели, взрывались, окутывались клубами пламени!..

– Да мы видели на посадочной полосе аэропорта Бен Гурион, – тихо сказал Пелисье. – А вот до того Бог миловал. Но и так... мало не показалось.

– Прямо напротив Иерусалима сторел и затонул танкер с нефтью, – тихо продолжала Ксения, – взорвался химзавод... «...Видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей». Понимаете? Дикари влезли на оборонный химический завод, разбили резервуары и перегонное оборудование, которое они принимали за диковинных зверей с «броней»! Потому я и говорю, КАК точно всё прописано в Апокалипсисе! Многие века толковали экзегетики «Откровение святого Иоанна Богослова», склоняли и так и этак, а оказалось, что тут с применением красивых символов, изысканных литературных средств описана экологическая катастрофа! Помните, помните?.. – Ксения кричала, ее глаза горели, волосы разметались по плечам; Колян Ковалев смотрел на нее, открыв рот... – «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „полынь“; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки!» Я выучила Апокалипсис наизусть, потому что это... поразительно – отчет о безумии, поразившем мир! Звезда «полынь» сошла на землю на моих глазах – это боевой вертолет израильской армии, упавший на ресторан при отеле на берегу Иордана! Там стояли громадные резервуары с вермутом разных сортов, этот ресторан специализировался на вермуте, а стоит ли напоминать, что вермут – это ПОЛЫННЫЙ напиток? Вермут попал в реку, в бассейны отеля, самые отчаянные перепились и устроили кровавые потехи! А все прочие спрятались в подземные коммуникации и сидят там и поныне, дикие, косматые, небритые, питаются неизвестно чем... и непонятно, когда всё это кончится!

– То есть, – робко начал Пелисье, – Иоанн Богослов в своем «Откровении» описал то, что случилось буквально две недели назад... и что содеяли мы сами, так?

– Совершенно правильно, – произнесла Ксения. – Сворачивайте туда. Осторожнее, тут всё задымлено, так что полюбоваться красотами Иерусалима не удастся. Остановите здесь. Дальше пойдем пешком.

– Да! – вдруг прогрохотал Вотан. – Именно так и было указано в моем видении. Мы сошли с железной самодвижущейся повозки и пошли к склону горы, весь верх которой был в дыму. И сад за стеной корчился от едкого дыма! Идем! Я знаю дорогу и покажу ее не хуже этой девицы, которая, похоже, воистину желает нам добра, и я был несправедлив, заподозрив в ней измену и зло!..

Ксения склонила голову.

– Благодарю вас, – тихо сказала она. – Я знала, что вы мне поверите. Да и мне самой в последнее время пришлось поверить во всё невозможное, что ни есть на свете.

Дорожки древнего сада словно выскальзывали из-под ног. Непонятно, как это происходило, но на пути от стены в глубь сада едва ли не все путешественники несколько раз могли поломать себе ноги. Тропинка словно агонизировала под ногами, как живая, земля будто не желала принимать на себя стопы незваных гостей. Довольно рассеянный дым, ползущий низко, забито припадающий к земле, дышал низменным, животным страхом, до колотья в сердце, до пота на ладонях и мутного, ватного оцепенения в подгибающихся ногах.

Деревья казались уродливыми инвалидами, древние стволы, изогнутые, изъеденные веками, молчаливо застыли в умирающей апокалиптической тишине... Жене невольно при-

шли на ум слова поэта: «...А в израненном парке рвалась тишина, Припадая от боли к холодной земле».

И вдруг старый Вотан остановился.

– Тут! – сказал он, указывая пальцем на развесистое, похожее на дряхлого пьянчужку старое дерево. Оно росло криво, в двух метрах от земли разделяясь на две огромные сучковатые ветви: одна шла вверх, взмывала, как мачта, – а вторая, напоминая гигантского одревеневшего питона, невообразимо огромную змею, покрывшуюся наростами, тянулась почти параллельно земле. На самом своем конце она изгибалась, уходя вниз и окунаясь в углубление в почве. Почти доставая до чахлой рыжей травки, так не похожей на пышную растительность Земли обетованной...

– Тут! – повторил Вотан, тыча узловатым пальцем в пяточок под деревом.

– Да, тут, – повторила Ксения. – Я тут и спала. Сама не поняла, как сюда попала... Ноги принесли. Не знаю, как это объяснить, но мне кажется, что меня и спасло то, что я оказалась именно ЗДЕСЬ. Странное, страшное место. Я ведь бывала тут раньше, еще до катаклизма, на экскурсии, и всё было совершенно другим. А теперь – вроде всё то же самое, и деревья, и тропки, и стена... но кто-то, как воду, пролил здесь страх...

– Копайте! – приказал Вотан, оглядываясь на людей и дионов, в нерешительности застывших за его спиной.

– Чем копать-то? – спросил Колян нерешительно.

– Вот ты и копай! – отозвался Вотан.

– Но чем копать-то? – переспросил Ковалев.

Стоявший ближе всех к стволу дерева Пелисье обернулся и увидел... заступ. Ржавый заступ. Он торчал в земле, как будто ожидая, что сюда придут, увидят его и воспользуются им. Пелисье протянул руку и вырвал заступ из почвы.

– Николай, вот.

– Ага!.. – почти весело сказал Колян и, поплевав на руки, принялся за работу. Его веселость была какой-то судорожной, с ознобом, с повышенной торопливостью движений. Зато работа продвигалась.

Все застыли в ожидании. Эллер всей пятерней чесал бороду. Пелисье что-то бормотал себе под нос, а Жене Афанасьеву вдруг показалось, что сотни глаз – жаждущих и яростных, равнодушных и потуплено-унылых, пустых и уже совершенно утерявших человеческую осмысленность, налившихся полнокровной животной тяжестью, – смотрят на него из крон деревьев, из складок коры на стволах. Из вытканшегося тяжелым шлейфом дыма, угрюмыми и немощными полосами припадающего к земле. И снова пришли на ум поэтические строки, отчаянные, произнесенные спокойным и обреченным шепотом:

На меня наставлен сумрак ночи

Тысячью биноклей на оси.

Если только можно, Авва Отче,

Чашу эту мимо пронеси.

Волна жуткого, наждаком продирающего осознания ОДНОГО факта прокатилась по спине, иглами втыкаясь в позвоночник, удушливо сжимая бока. Ведь эти слова ОН говорил именно здесь, в Гефсиманском саду!.. Быть может, как раз стоя на этом месте, где...

Дзынь!

Глухо звякнул, наткнувшись на что-то твердое, заступ в руках Коляна Ковалева.

– Так! – произнес Ковалев, опускаясь на колени и орудуя уже руками.

– Ну, что там?

– Есть! – выдохнул Колян, откидывая последнюю пригоршню земли. – Тут крышка... крышка какого-то сундука. Типа – ларца...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Колян Ковалев делает очередные успехи в изучении истории

1

– Тяни, да аккуратнее!.. – подал голос старый Вотан, а потом, увидев, как орудует железной Ковалев, не выдержал и бросился вытаскивать ларец собственноручно. Взвешившийся помогать Пелисье был отстранен, да так, что не устоял на ногах и уселся на землю, задрвав при этом ноги. Остальные просто отступили, уважая рвение старого диона и его желание первым ознакомиться с содержимым ископаемого ларчика. К тому же, несмотря на преклонный возраст, Вотан Борович обладал прекрасным ударом с обеих рук, коему позавидовал бы иной профессиональный боксер.

Наконец таинственная находка была извлечена из земли. Вотан отряхнул ларец рукавом своего плаща, и без того чудовищно грязного. Афанасьев осторожно выглянул из-за спины старого диона.

Ларец напоминал сильно уменьшенный мусорный контейнер, содержимым которого интересуются любознательные бомжи. Пахло от него примерно так же, а уж когда Вотан сорвал крышку и заглянул внутрь, оттуда хлынула такая волна зловония, что стоявшего ближе всех к находке (если не считать самого первооткрывателя, то есть Вотана) Коляна Ковалева едва не стошнило. Странное дело... Если на улице было не меньше плюс тридцати, то от ларца потянуло холодом, словно открыли морозильник, с протухшей рыбой к тому же. Впрочем, Вотана это ничуть не смутило. Судя по всему облику старого диона, на своем веку ему приходилось иметь дело с куда более дурно пахнущими вещами. Костистая пятерня Вотана Боровича проникла в глубину ларца, и когда он потянул ее обратно, то в руке его все увидели свернутый в трубочку свиток. Пергамент, определил навскидку знаток древностей Пелисье. Вотан оглядел молчаливо окруживших его товарищей по несчастью, глубоко вдохнул мутный воздух и стал разворачивать свиток. Заглянул туда. Сначала черты его суровой физиономии оставались неподвижными, только брови медленно сошлись на переносице. Потом в лице произошел целый тектонический сдвиг: челюстные мышцы вздулись двумя желваками, на лбу образовались морщины, в которых погибло бы даже самое живучее насекомое, попади оно туда – его бы просто раздавило складками кожи. При этом Вотан так страшно пучил свой единственный глаз, как будто его придавило плитой весом по меньшей мере тонны в три.

Причины этих мимических чудес определились быстро. Вотан открыл рот и сказал:

– Клянусь задницей великанши Хель, пусть я ослепну, если понял хоть что-то из этих проклятых крючков, которые тут понаставлены!..

– Пусть лучше Пелисье, – сказал Афанасьев. – Он всё-таки специалист, понимает в этих делах больше, чем все мы вместе взятые. Ох!.. – вырвалось у него, когда он заглянул в свиток. – Руки бы оторвать тому, кто это писал! Почерк-то, почерк! Говорят, что курица лапой скверно пишет, но как тут нашкрябали – это просто черт знает что!

– При чем тут почерк? – буркнул Пелисье. – К тому же в то время, к которому, по-видимому, относится этот памятник письменности, такое понятие, как почерк, было совершенно неактуально. Так-с! Теперь об этом пергаменте. Это так называемое квадратное еврейское письмо, родственное арамейскому и, собственно, от него и происшедшее. Пергамент очень древний, насколько вообще можно судить. Я датировую его приблизительно первым веком до

нашей эры, хотя это черновая, очень приблизительная оценка. Собственно, погрешность моей оценки может составить плюс-минус пять веков.

– Да, вот это писанина! – сказал Колян Ковалев. – Тут без литра не разберешься.

– И с литром не разберешься, Николай, – с досадой сказал Пелисье.

– А можно я? – вдруг произнесла Ксения.

Расступились, пропуская девушку. Самое недоверчивое лицо было, конечно, у Вотана Боровича, у которого отношения с Ксенией не сложились с самого начала.

– Ты-то что можешь, женщина, когда такие умы в беспомощности стоят над сим документом! – проворчал он.

– Да пусть взглянет, – сказала Галлена. – В конце концов, у нас такая ситуация, что хуже уже точно не будет. Читай, Ксения. Если сможешь, конечно.

– Мой дедушка, папин папа, был раввин, – сказала та. – Страшный зануда, из числа тех, про кого сочиняют анекдоты. Так он изучал древнееврейский и талдычил папе, что и я его должна знать. Хотя, по канонам иудаизма, женщине особо ничего знать и не положено. Так или иначе, но дед был такой общественно вредный тип, что легче выполнить его требование, чем каждый день слушать его гнусаво-картавый голосок. Пришлось поучить древнееврейский. Я думала, что помру. Но, на мое счастье, помер как раз дедушка, Соломон Лейбович. А что? Действительно к счастью и к общему облегчению, пора и честь знать – ведь ему было девяносто три года. И умер он не как все честные люди, то есть от старости, а полез в погреб тайком покушать припасы, да так объелся, что скончался от заворота кишок. Вот такой деятель искусств и ремесел. Конечно же, я тут же прекратила учить эту китайскую грамоту. Да нет, о чем я – китайская, по-моему, легче! Но многое я усвоила, так что сейчас попробую прочесть.

Афанасьев, Пелисье, Колян Ковалев переглянулись и вдруг захохотали. После некоторого промедления к ним присоединился и грохочущий хохот Эллера, и серебристый смех Галлены, и бас Альдаира. Не смеялись только Ксения и старый Вотан Борович, который в рассказе девушки, по всей видимости, усмотрел какие-то параллели с собой.

Ксения склонилась над пергаментом. Черные значки, похожие на паучков самой прихотливой формы, уже через минуту стали рябить в глазах. На выручку пришла Галлена.

– Вот что, – сказала она. – Я могу перекачать все твои знания об этом языке прямо из твоей головы, и мы вместе будем переводить. Кстати, я могу перекинуть эту информацию также и Пелисье, потому что он из всех нас наиболее полно разбирается в языках.

– Я тоже разбираюсь в языках, – тупо сказал Эллер и со скрежетом почесал в затылке. – Я умею их готовить.

Галлена только махнула рукой. Потом она повернулась к Ксении и, подняв правую руку с обращенной к израильтянке ладонью, почти коснулась ее высокого лба.

Девушке показалось, словно тонкая, прожигающая кожу металлическая паутина опутала ее голову. В висках заворочались массивные клинья. На лбу Ксении проступили крупные капли пота, она замотала головой, но ладонь дионки словно припаялась ко лбу. Она чувствовала, как беспричинный животный страх заискрился мурашками по спине, где-то внутри тяжело перевернулся массивный, неловкий ком и сдавил внутренности. Галлена тряхнула головой и отступила на шаг. «Ну вот, – прозвучал в голове Ксении отчетливый, ясный голос Галлены, – вот я и взяла твои знания! Сейчас всё будет попроще, подруга».

Ксения вскинула глаза. Прямо перед ней словно висело лицо Галлены, которое показалось ей белым-белым, и тут, как мутные радужные пятна, проступили глаза.

Наконец зрение прояснилось. Галлена ободряюще кивнула Ксении и выговорила вслух:

– Ну вот. Пелисье, подойдите сюда. Я вам сброшу нужную информацию. Да не пугайтесь!.. Это точно такой же принцип, как в компьютере. Вот вы, Пелисье, знаете о компьютерах с детства, а я узнала только полгода назад. И кому бояться?..

– У меня же не компьютер в голове, – ответил тот.

... Через пять минут экспертная группа переводчиков в составе Пелисье, Галлены и Ксении занялась работой. Первая фраза переводилась минут десять, потом дело пошло значительно быстрее. Уже ко второму часу работы было переведено более половины документа. Женя Афанасьев, на которого возложили миссию переписчика, аккуратно заносил перевод в блокнот.

Наконец работа была закончена. Некоторое время все молчали, сидя прямо на земле. Эллер, который на протяжении всей работы над переводом отчаянно скучал, а потом лег под оливковое дерево и задремал, – проснулся. Вотан посмотрел на Афанасьева, который держал в руках перевод, и отдал команду:

– Читай!

2

Женя немедленно вошел в роль. Он встал, принял горделивую позу оратора и, чуть отставив от себя руку с переводом, начал читать...

«ЕЩЕ СЕМЬ КЛЮЧЕЙ ВСЕВЛАСТИЯ, ДАННЫХ ДЛЯ РЕШЕНИЯ СУДЕБ МИРА:

1. Письменные принадлежности кровавого царя, объявившего быструю смерть богатым; нищету и медленную смерть бедным. И изрек мудрец тех времен о сем правителе: «О, какое это животное!» Сей царь правил пять лет и еще два года; но те два года кара осенила его голову, и вышел разум его из черепа, аки запах выходит из увядающей розы.

2. Облачение первосвященника веры, гонителя иудеев, чья стопа тяжело легла на землю древней земли, прозываемой Иберия; и тот первосвященник суть порождение дьявола, но говорил он, что легло на уста возжелание Господне. И возжег первосвященник костры, в которых сгорело бы и само солнце, противное тьме. Выбрита макушка его, и сияет лысина на солнце, ибо это единственное светлое пятно во всем облике этого человека...»

Тут Афанасьев остановился, словно давая своим слушателям время получше усвоить содержимое перевода, и продолжал, возвысив голос на тон:

«3. Власяной покров (усы) страшного убийцы, разорвавшего землю надвое и возжелавшего трона земного и небесного. Белокурые дети его воспалены словом дьявола, и зверь (bestia) живет в сердцах их. Жарится человеческое мясо на пиршестве Отца Лжи, и горят огни жертвенников!

4. Кувшин, из коего омоет руки прокуратор Иудеи, дабы изречь крамолу гибельную на Сына Божьего...»

– Понтий Пилат, – сказал Пелисье.

– Это и горбатуму понятно, – отозвалась Ксения. И посмотрела на Ковалева. Тот стоял с таким безмятежным выражением лица и такой прямой спиной, что явно не относился к числу горбатых, которым понятно. Афанасьев зачитывал:

«5. Первый кирпич великой стены, посеявшей рознь между народами, стены, построенной на костях, гладе и море; возложит его рука великого объединителя земель, правителя страны Поднебесной, безжалостного и грозного царя Востока. И всего два века легло от смерти его, но дело, положенное им, продлится еще семнадцать веков. И Смерть идет по следу.

6. Шлем великого покорителя народов, усеявшего мир городами, которыми он в надменности своей, не колеблясь единым мигом, давал имена свои; в том шлеме дремала смерть, влитая тягучей, как мед, мудростью».

Афанасьев остановился. По всей видимости, абзац, следующий за только что прочитанным, чем-то привлек его внимание. Потому что он начал читать его не сразу, а только после того, как глубоко набрал воздуха в грудь.

Слова падали во вдруг заострившуюся далекими звуками тишину:

«7. Тот, кто прочтет сии строки, подумает: кто есть ты и какова цена искупления? Спроси ветер, спроси небо, спроси мглу, спроси солнце, спроси и звезды, пронизывающие твердь небесную; спроси мать, спроси отца и крышу твоего дома, спроси любовь, восходящую в глазах, как высокое светило именем Божиим озаряет небосвод; спроси женщину, стоящую перед тобою, женщину любимую и единственную, и скажи, сумеет ли она понять, кто из вас отдаст свою кровь за молодость и свет мира сего? И если померкнет небо, а звезды упадут каменными иглами, остывая в теле земли, – спроси сердце свое, готово ли оно разорваться от любви к этой земле?..»

– Как красиво! – воскликнула Ксения. – *«Спроси сердце свое, готово ли оно разорваться от любви к этой земле?..»*

– Типичный женский подход, – пробурчал Пелисье. – Упор на эмоции. Шесть пунктов указаны довольно четко, если не считать некоторых неясностей, а вот седьмой... мягко говоря, какая-то белиберда.

Ксения остановилась и, уперев руки в бока, в упор посмотрела на французского археолога.

– Вы же, кажется, из Парижа? – спросила она.

– Да.

– А в Париже, насколько мне известно, всегда ценили красоту?

– Как тебе сказать, Ксюша, – немедленно влез Ковалев, – я так думаю, что нынешние жители Парижа давным-давно...

– Ну? – агрессивно выдвинулся Пелисье. – Ну и что ты хотел сказать?

– А что – ну? – отвечал Ковалев. – Ты, почтенный родственник, давай не буянь! (Мать Пелисье и отец Коляна были родными братом и сестрой.) Париж твой сейчас такой же сарай, как и все прочие города! Ксюша, а ты, кстати, откуда? Ведь ты говорила, что у тебя мать русская?

– Я из Питера, – сказала Ксения. – Мама да, русская. Папа – Израиль Соломонович. Не знаю, как ее, то есть мою маму, угораздило влюбиться в моего папу, который, что называется, день за красных, день за белых. Недаром говорят, что самые ярые антисемиты – это сами евреи. Вот я наполовину еврейка, а евреев терпеть не могу! Включая собственного папу и его троюродного брата, Аарона Исаевича. Про Аарона Исаевича и его нос я, кажется, уже упоминала. Мама вышла замуж за папу, и мы в девяносто седьмом выехали в Израиль на пэээмжэ. Обычная история: в России ты «жидовская морда», а в Израиле, соответственно – «русская свинья». Печально быть полукровкой.

– А че, я тоже полукровка, – сказал Колян, – у меня мать хохлушка, отец русский. И ничего. А ты, Женек?

– Да русский я, – сказал Афанасьев. – Типичный кацап, достаточно взглянуть на физиономию. На самом деле все эти националистические беседы – такая шелуха в нынешней ситуации! Особенно если учесть, что у нас в обойме и выходцы с другой планеты, и представители славного племени инферналов, в русском просторечии – чертей. Мы-то, и русские, и хохлы, и французы, и евреи – хоть люди. А вот они...

– Ну ладно, – вмешался Пелисье. – Нам сейчас не об этом говорить нужно. Перевести, с божьей помощью, сумели...

– Не с божьей, а с моей, – вставила Ксения.

– Ну ладно, не будем разминиваться на детали, – смягчился Пелисье, неопределенно махнув рукой. – Поставим тебя и Бога в один ряд, одной строкой. Кстати, если Ксения была бы из чертей, то есть из инферналов, – извернулся лукавый француз, – то при этих моих словах у нее из ушей пошел бы дым, не иначе. Так вот, я о чем, собственно. Конечно, текст мы перевели, но, однако же, толком не поняли, о чем речь. Нет, то, что там дело касается Пилата, мы поняли. Но это, собственно, всё, что можно усвоить с первого раза. Чисто литературные красоты я не затрагиваю. Вот, к примеру, первый же пункт ставит меня в тупик: *«Письменные принадлежности кровавого царя, объявившего быструю смерть богатым; нищету и медленную смерть бедным...»* Да таких царей немерено было! – закончил Жан-Люк Пелисье, в финале срываясь на лексику, более приличествующую его неотесанному российскому кузену.

– Вот сразу и видно, что ты не русский, – съязвил Афанасьев. – Потому что мне, как отпетому кацапу... а это следует из недавней дискуссии... как раз всё ясно!

– Что? Что тебе ясно? – спросил Пелисье.

– Очень просто. Помимо общих соображений там сказано: *«И изрек мудрец тех времен о сем правителе: «О, какое это животное!» Сей царь правил пять лет и еще два года; но те два года кара осенила его голову, и вышел разум его из черепа, аки запах выходит из увядающей...»* Ну и так далее. Так вот, фраза *«О, какое это животное!»* содержится в *«Окаянных днях»* Бунина. Непонятно, конечно, каким образом древний иудей, который написал этот документ, мог читать Бунина, который жил в двадцатом веке... впрочем, это далеко не самая большая неясность во всём этом деле. Кстати, Пелисье! Бунин столько жил в Париже, что вам, уважаемый французский ученый, тем более русского происхождения, можно бы это и знать. *«Окаянные дни»* – вообще суровая книга. *«О, какое это животное!...»* Гм... А говорил Бунин это о любимце всех советских детей Владимире Ильиче Ленине. Кстати, тут оговорены сроки его правления, а он именно столько и правил – номинально семь лет без малого, а фактически – пять, если не четыре.

– Та-ак, – мрачно протянул Пелисье. – Понятно.

– И че, у этого твоего Ибуни... – начал Ковалев.

– Колян!

– ...то есть – Бунина, у него прямо так и сказано: *«О, какое это животное!»*. В натуре, что ли? Не, прямо про Ленина, что ли? А я ведь в школе был этим... октябреньком. Потом даже в пионеры приняли. А вот в комсомольцы уже не успел.

– Выгнали из школы, что ли?

– Выгнали, – с некоторым оттенком гордости подтвердил Колян.

– Ну, в отношении успеваемости своего дорогого родственника я никогда не строил иллюзий, – ядовито заметил Пелисье. – Но сейчас речь не об этом. С первым пунктом вроде как разобрались. Ну, тогда по порядку. Кто из нас более или менее соображает? – Женя Афанасьев глянул в сторону старого Вотана и Эллера, накручивающего молот, и вполголоса заметил:

– Ваня, ты бы потише, а?

– Понятно.

– По второму пункту лично мне всё ясно, – сказала Ксения. – Там про *«первосвященника веры, гонителя иудеев, чья стопа тяжко легла на землю древней земли, прозываемой Иберия...»* Иберия, насколько я знаю – древнее название Испании. А насчет сияния лысины – так это явно про тонзуру. Так что портрет, по-моему, вполне конкретный. К тому же – первосвященник. То есть глава испанской церкви. А кто у нас в Испании стоял во главе церкви и при этом являлся гонителем евреев? Как там написано? Дай-ка сюда пергамент... А, вот! «...

возжег первосвященник костры, в которых сгорело бы и само солнце, противное тьме...» Ну что, разве имя не напрашивается?

– Мне вот че-то нет, – тупо сказал Колян. Пелисье, который вот уже полторы недели обучал Ковалева истории, археологии и лингвистике, с сожалением посмотрел на своего невежественного ученика. Зато Афанасьев сказал:

– Спасибо, Ксюша, за разъяснения. Кажется, я понял.

– И кто это?.. – спросила она. – Попробуй угадать, а мы посмотрим, совпадут ли наши догадки.

– Великий инквизитор веры. Томас Торквемада.

– Совершенно верно, Женя.

– Поздравляю тебя, Ксения. Еще одного эрудита в нашем полку прибыло, так сказать, – проговорил Пелисье, отхлебывая солидный глоток вина. Не по-парижски, прямо из горлышка, что вполне согласовывалось, скажем, с бытийной теорией Коляна Ковалева. – Кстати, Ксения, хочу сказать, что в Париже есть умные женщины. Есть и красивые, всё-таки Париж есть Париж. Но чтобы одновременно и умные, и красивые – таких я не встречал в столице мира. И вообще нигде. Ты – первая.

– Это... типа... Ванек!.. – подал голос Колян Ковалев. – Ты давай девушку не клей. Я уже... это... ее забил на себя!..

Ксения очаровательно улыбнулась, открывая перламутровые зубы, и произнесла напевным голосом:

– Да ну? А моим мнением вы конечно же забыли поинтересоваться, Николай Алексеевич?

– Закончим лирическое отступление, – сказал Афанасьев, подозрительно глядя на насупившегося Коляна. – Дальше расшифровываем писания древнееврейского пророка. Тут еще немало ребусов осталось. По порядку. Номер третий. *«Власяной покров (усы) страшного убийцы, разорвавшего землю надвое и возжелавшего трона земного и небесного...»* Хотя указано точно: усы. Хотя... стоп! *«Белокурые дети его воспалены словом дьявола, и зверь живет в сердцах их!»* Зверь по-латински – *bestia!* Белокурая бестия! Усы! Всё яснее ясного!

– Гитлер, – проговорил Пелисье. – Уже предвкушаю встречу с этим замечательным человеком, мать его!..

– Да, точно, это о нем, – сказала Галлена, которая за последние несколько месяцев, в течение которых она пребывала на нашей планете, успела изрядно поднатореть в земной истории. А так как мозги у нее были не как у Эллера или тем более у его брата, чревоугодливого диона Поджо, то она уже могла считаться знатоком такой науки, как история. – Ужасная скотина этот Гитлер, я про него читала.

– Читала, – машинально повторил Пелисье, отпивая еще вина.

– Читала, – проворчал Афанасьев, крутя в руках древний пергамент и косясь на увлекшегося дегустацией вина француза, – прямо как у Довлатова: «Много читал, что алкоголизм вреден для здоровья. Решил бросить... читать». Ладно. Вот, пункт четвертый. Тут, по-моему, всё яснее ясного: *«Кувшин, из коего омоет руки прокуратор Иудей, дабы изречь крамолу гибельную на Сына Божьего»*. Речь идет о Пилате, тут двух мнений быть не может.

Все – скорее для проформы, чем для реальной проверки – рассмотрели пергамент и поспешили согласиться с Афанасьевым. Потом слово взял Пелисье:

– А не специалист по синологии, то есть науке о Китае, да и китайскую культуру и архитектуру знаю похуже, чем, скажем, древнеегипетскую. Всё-таки по узкой специализации я египтолог. Но тут не нужно быть специалистом. Великую Китайскую стену все знают, а тут речь идет, между прочим, о ней.

– Великая Китайская стенка? – с упором на слово «стенка» презрительно спросил Колян Ковалев, который, верно, почерпнул еще недостаточно знаний от Пелисье и Афанасьева, с чем

и сел в лужу тотчас же: – Да ну, сказали тоже! Китайская стенка! У меня один знакомый братан купил себе антикварную мебель французскую, и стенку тоже, и кресла... а потом эта стенка ему на башку упала! Оказалось – китайский левак, бодяженный под старину! А ему впарили как раритет, типа, пятнашку штуцеров «бакинских» содрали!

– Как, простите? – переспросила Ксения.

– Ну это. Пятнадцать штуцеров. Штук. Тыщ, типа. Бакинских – это баксов, долларов то есть. Неужели ты не поняла?

– Я-то поняла, – ответила та. – Только тут, в пергаменте, другая стенка имеется в виду.

– Именно, – с откровенно иронической улыбкой сказал и Пелисье. – Великую Китайскую стену начали возводить чуть ли не в пятом веке до нашей эры, но в этом документе, как мне кажется, подразумевается немного иное время. Официально Великую Китайскую стену начали строить при великом императоре Цинь Шихуанди. Вот тут, в тексте: «...*правителя страны Поднебесной, безжалостного и грозного царя Востока*». А у Цинь Шихуанди как раз был титул объединителя китайских земель. Он начал править в 221 году до нашей эры. Шихуанди был еще тот фрукт. Достоверно о нем известно не так много, но доказано, что он очень любил пышные церемонии и награды.

– Прямо древнекитайский Брежнев, – хмыкнул Афанасьев.

– Да, помнится Леонид Ильич любил целоваться с нашим тогдашним президентом товарищем Жискаром д'Эстеном, – кивнул Пелисье. – Так вот, император Цинь Шихуанди был этакий ловкий номенклатурщик. Наверняка он мог придумать торжество по случаю закладки первого кирпича Великой Китайской стены. Хотя, как мы уже усвоили на своем печальном опыте, не всегда история совпадает с тем, что написано в книжках. Мы-то уже попутешествовали!.. Кто мог знать, что пророк Моисей окажется натуральным египетским жрецом с замашками Коперфильда, а Цезарь сам закажет свое убийство, как это мы выяснили, когда были в Египте и Риме!

Ксения смотрела на Пелисье с выражением раздумчивого недоверия, смешанного с иронией. Заговорил Эллер, который первым из всех дионов, не ах как смыслящих в человеческой истории, решил принять участие в дискуссии:

– Когда мы были в Древней Руси, доставая хвост жеребца хана Батя, на котором он завоевал Русь...

– Не Батя, а Батыя.

– Вот именно, вот именно, – величественно закивал Эллер, – тот хан разводил летающих тварей как раз в горах, которые вы называли Китаем. Это туда мы отправимся?

– Точно так, – сказал Афанасьев.

– А каких это летучих тварей разводил в горах хан Батый? – с интересом спросила Ксения.

– Да мерзких, – ответил Пелисье. – Персонажей русского народного фольклора, которых именуют Змеями Горынычами. Мутировавший птеранодон, в общем, летающий динозавр, доживший до наших дней. У китайцев силен культ драконов, боюсь, что и у Цинь Шихуанди может быть целое их поголовье. Нескольких таких летунов мы видели в лагере хана Батыя неподалеку от Волги. Помесь бомбардировщика с двухголовой ящерицей.

– У Горыныча же в сказках три головы, – сказала Ксения.

– Так это в сказках, а то – наяву! Почтенный Эллер даже сшиб молотом одну такую скотину! Бррр, мерзкое чудище, и воняет от него, как от невычищенного хлеба.

Афанасьев, который во время этой содержательной и эмоциональной речи Пелисье внимательно изучал пергамент, вдруг проговорил:

– Иван, тут вот какой нюансик.

– Ну? – повернулся к нему Пелисье.

– Насколько я понимаю, это список отрицательных знаковых артефактов из разных эпох. Отрицательных!.. Ключи Всевластия, символизирующие разрушение, разобщение, зло. В общем – отрицательная аура. Нет, в самом деле, усы Гитлера, письменный прибор Ленина, которым тот наподписывал разных декретов... одеяние изувера и инквизитора Торквемады, кувшин для омовения рук Пилата – всё это, без сомнения, может и должно символизировать зло. А вот первый, знаковый, кирпич из Великой Китайской стены – это скорее созидание, строительство, то есть со знаком «плюс». Креатив, если угодно.

– А вот и неверно! – сказал Пелисье. – Ты же сам только что упомянул слово «разобщение»! А ведь Великая Китайская стена для того и строилась, чтобы сеять разобщение! К тому же ее называют самым большим кладбищем мира! Там вели раскопки, так вдоль всей стены на шесть с половиной тысяч километров – на всю длину! – лежат человеческие кости! Говорят, что в седьмом веке нашей эры при каком-то особенно добром и душевном правителе там, на стройке, только за десять дней погибло пятьсот тысяч человек! В Европе такие цифры тогда были невообразимы! Например, в знаменитейшей битве при Креси в Столетней войне английский король Эдуард Третий выиграл, имея на вооружении тысячу рыцарей, четыре тысячи всадников и что-то около десяти тысяч англосаксонских и валлийских стрелков! Это чуть ли не вся армия Англии, а в Китае оперировали совсем другими цифрами. Да вот же, тут написано: *«И Смерть идет по следу»*. Вот это как раз о строительстве стены и миллионах, которых под ней зарыли!

– Теперь понятно, – кивнул Афанасьев, на которого слова Пелисье определенно произвели впечатление. – А вот шестой пункт. Вот это – очень просто: *«Шлем великого покорителя народов, усеявшего мир городами, которым он в надменности своей, не колеблясь единым мигом, давал имена свои»*. Собственно, тут все просто. Известный пиарщик древности Саня Македонский очень любил называть все города, которые он основывал, Александриями. Таким манером он наклепал с два десятка Александрий, попутно наломав дров. И не только дров, но куда менее податливого человеческого материала.

Вообще о Македонском я слышал много противоречивого. Например, что он умер от белой горячки. Как раз в этом свете очень показательна фраза: *«... в том шлеме дремала смерть, влитая тягучей, как мед, мудростью»*.

– Ты имеешь в виду, что Александр Македонский в качестве сосуда для вина мог использовать свой шлем? – спросил Пелисье.

– Как вояки более поздних времен, гусары, пили из женской туфельки, – усмехнувшись, произнесла Ксения.

– Вот как бойко разложили Саню по пунктам, – улыбаясь, резюмировала Галлена.

– Практически написали характеристику, – заявил Колян Ковалев. – Вот пацана приплющили. Это я про Македонского. У меня был один знакомый Саня Македонский, такой прикольный пацан, гоп из Жасминки. Так он был Макин, но его все Македонский погоняли. Ему, помнится, в мусарне, в детской комнате милиции, примерно такую же характеристику припаяли: там, типа, и пьянство, и хулиганство, и в городе на заборах свое имя писал, как вот этот, который из истории.

– Так, – проговорил Афанасьев. – Ты определенно делаешь успехи, Колян. А как познакомишься с настоящим Македонским, ты только не вздумай сделаться членом его семьи, как это получилось у тебя с Батыем. Представляете, Ксения, Колян три года прожил в становище хана Батыя, такой исторический парадокс... так что ему по паспорту выходит двадцать восемь лет, а на самом деле – тридцать один. Мы же упоминали, что он там бывал. Долго объяснять, как именно это произошло, однако Колян не мог не оставить глубокого следа в той эпохе. Он женился на дочери хана Батыя и под именем Аймак-багатура стал отцом замечательного сына, а внук этого коляновского отпрыска породнился с Рюриковичами. Так что, скажем, Иван Гроз-

ный – это прапрапрапрапраправнук Коляна! Seriously!.. После того, что вы тут, в Израиле, увидели, Ксения, вы не удивитесь и поверите.

Ксюша посмотрела на Ковалева, который невольно выпятил грудь, и после минутной паузы сказала:

– Вы знаете, я видела портреты Ивана Грозного. Что-то... такое... ваше... в нем есть! Господи, да что же творится-то!!! – вырвалось у нее.

– Ладно, оставим эти экскурсии в историю, – сказал Пелисье. – Список шести Ключей, или, по меткому выражению сержанта Васягина, «отмычек», у нас имеется. Осталось самое неясное. Седьмой пункт. Нет, я не отрицаю – литературные красоты древнееврейского языка, которые даже несколько тускнеют в переводе, конечно, несомненны. Но суть, суть неясна! Предыдущие пункты – короткие емкие определения, которые вполне сносно расшифровались даже два тысячелетия спустя... или сколько там прошло с момента составления этого пергамента. А последний абзац, прямо скажем, неадекватен, как бы Ксении ни нравились стилистические красоты.

Все переглянулись и поспешили согласиться с посылками и выводами Пелисье.

– Ванек прав, – безапелляционно заявил Колян Ковалев. – В натуре какая-то муть. Это, е-мое, что-то не в тему.

– Но пока что у нас есть шесть Ключей, при помощи которых мы можем исправить всю эту жуть, – сказал Афанасьев. – Шесть без одного, седьмого. Уже недурно. Я вот тут набросал списочек, чтобы было более наглядно.

В списке Афанасьева стояло следующее:

1. Письменные принадлежности Ленина.
2. Сутана Торквемады.
3. Усы Гитлера.
4. Кувшин Понтия Пилата, из которого он омыл руки перед казнью Иисуса Христа.
5. Кирпич из Великой Китайской стены, заложенный императором Цинь Шихуанди.
6. Шлем Александра Македонского.
7. ?????????????? (...и приписано: *самое тревожное*).

– Ну что же, можно по этому и ориентироваться, – произнес Афанасьев. – Но всё-таки... что же может значить последний пункт?

– Будущее покажет, – отозвался Пелисье.

– А вот тут ты и не прав, – подала свой голос Галлена, – покажет не будущее, над которым мы не властны; покажет не настоящее, которое суть вотчина Лориера, Отца Лжи. Покажет ПРОШЛОЕ, и мы отправимся туда очень, очень скоро...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Архибезобразие

1

Россия, октябрь 2004 года, дача Ковалева

– Распределим роли, – со всей ответственностью заявил Женя Афанасьев и выжидающе склонил голову набок. – Тут нужно основательно подумать. Не хотелось бы попасть политически неподготовленными, скажем, пред светлые очи товарища Дзержинского. Известно, что он не любил недобитую буржуазию, а ты, Колян, как никто подходишь под этот образ.

– Почему это «недобитая»? – обиделся Колян, нисколько не отреагировав на «буржуазию». – Ты че, Женек?

– А о том, что били тебя, били, где только не били, а тебе хоть бы хны, – словоохотливо пояснил Афанасьев. – Да вот только у товарища Ленина и товарища Дзержинского был наметанный глаз на разного рода контрреволюционный элемент. Так сказать, кровавые остатки издыхающего эксплуататорского строя. Потому ты, Колян, хотя бы выучи несколько расхожих лозунгов того времени, а то как прижмут да начнут прессовать... Революционные матросы – они излишком светских манер никогда не страдали, не говоря уж о таком замечательном заведении, как Чрезвычайная комиссия, она же ЧК.

– Не глупее тебя, – буркнул Ковалев, – знаю уж... «Мир – хижинам, война – дворцам!» и «Вся власть Советам!»

Колян сам не ожидал, что выудит эти огарки школьных уроков истории из своих мозгов, отнюдь не отягощенных избытком знаний. Афанасьев посмотрел на него с явным одобрением и продолжил в темпе, заданном Коляном:

– Ну да! Там еще «Землю – крестьянам, заводы – рабочим!», а также бабе цветы, дитям – мороженое. Агхибезобразие! Шучу, шучу! Ты, Колян, политически агхиподкованный товарищ! – добавил Женя визгливым ленинским голоском. – Ну ладно, давайте определять состав миссий. Конечно, под вашим мудрым руководством, почтенный Вотан Борович, – оглянулся он на одноглазого старого диона и вылепил на лице слащавую улыбку. За время тесного общения с прямолинейными и, прошу прощения, паранормальными уроженцами планеты Аль Дионна Афанасьев насобачился в самой откровенной лести до такой степени, что она уже не причиняла ему моральных неудобств, как то было изначально.

Итак, под председательством Вотана Боровича, а фактически под диктовку Афанасьева и Ксении, которая оказалась весьма просвещенной девушкой, стал определяться состав миссий. В первую, поименованную все тем же Афанасьевым ленинской, вошли: из дионов – Альдаир и Галлена, из людей – Афанасьев и Ковалев. Вторая миссия формировалась следующим образом.

Вотан Борович со скрежетом почесал у себя в боку, отчего из-под дряхлого плаща посыпалась какая-то желтая труха, и изрек:

– Желая возглавить исход в самое древнее и отдаленное из шести известных нам времен. Каково оно?.. – С этим вопросом он повернулся к Афанасьеву и Пелисье.

– М-м-м, – промычал последний, – я полагаю, высокочтимый месье Вотан, что это правление Александра Македонского, чей шлем нужно достать. Все остальные Ключи относятся к более поздним периодам человеческой истории. Ленин и Гитлер – это двадцатый век, что было совсем уж недавно, Торквемада из Средневековья, Пилат жил в первом веке нашей эры,

а вот Александр Македонский примерно на четыре столетия раньше. Что же касается Цинь Шихуанди...

– Позже! – поспешно сказал Афанасьев. – Цинь Шихуанди – это не то, Жан-Люк.

– Македонский! – провозгласил Вотан столь громогласно и с таким нетерпением, словно Александр находился здесь, среди них, и упорно не откликнулся на слова призывающего его диона. – Это звучное имя. Наверно, это был великий завоеватель среди людей?..

– Вы, как всегда, правы, – сказал Афанасьев со смехотворно лакейским поклоном. Ксения еле сдержала улыбку. Но старик всё принял за чистую монету, потому что начал долго и нудно восхвалять себя, время от времени колотя кулаком в широченную грудь и перечисляя свои многочисленные имена и титулы. «Да, ему в самый раз к Македонскому, – думал Афанасьев, – тот тоже отличался необычайной скромностью».

Краем глаза он заметил лукавую улыбку Галлены... Перемещение в веселое правление славного царя Александра, прославившегося своими деструктивными наклонностями и самолюбованием, должны осуществить Вотан, его рыжебородый внук Эллер, а из людей к ним был прикреплен известный любитель древностей Пелисье, а также черт Добродеев, который, как он ни охал и ни ахал, тем не менее должен был принять участие в расхлебывании заваренной ими же самими каши. Сержант Васягин до сих пор хворал, и вместе с ним на даче Коляна (а они находились именно здесь) остались дионы Поджо и Анни, а также Ксения, наотрез отказавшаяся принимать участие в этом «бредовом занятии», как она выразилась. Даже грозные очи старого Вотана и молот Мьелльнир, которым грациозно помахивал Эллер, не вразумили упрямую девушку из Земли обетованной. Она даже вспомнила некоего Моисея Соломоновича из Бердичева, который... Впрочем, дослушивать ее на стали. Нужно было готовиться к приключениям, которые обещали стать очень занимательными.

– А как же иначе?.. – передернул плечами Женя Афанасьев. – Мы по-другому просто и не умеем. Особенно если путешествовать по мирам.

Женя несколько ошибался: приключения ожидали их не только в разных временных эпохах. ЭТО время тоже вскоре обещало стать чрезвычайно занимательным. Особенно если учесть, что новообращенные дикари бродили в окрестностях, развлекаясь разграблением дачных поселков – в том числе и того, в котором находилась дача Коляна Ковалева.

Первыми должны были уйти в прошлое участники «ленинской» миссии. Начало ее было прозаичным и даже будничным – всем участникам путешествия уже приходилось делать это неоднократно.

...Они сидели на берегу небольшой реки, протекавшей в незначительном отдалении от дачи Ковалева. Река была обязательным элементом перемещения и символизировала реку времени: таков был обряд. Галлена смотрела на Альдаира. Ковалев, облаченный в жилетку, пиджак и широкие старомодные брюки, в кепочке на коротко стриженной голове, напоминал мелкоуголового элемента начала двадцатого века. Афанасьев был облачен во всё серое, неброское, Галлена – в неяркой блузе и юбке, вполне соответствовавшей одежде первых лет революции. Один Альдаир не внял просьбам спутников и напялил на себя какой-то непонятный балахон, более приличествующий средневековым монахам, чем буйной революционной публике начала двадцатого века.

– Поехали!.. – по-гагарински бросил Афанасьев.

Да, ЭТО уже было. Альдаир присел на корточки и опустил левую руку в воду. Правую он протянул Афанасьеву. Мощная кисть диона с длинными музыкальными пальцами на несколько мгновений ритуально застыла в воздухе, а потом Афанасьев, решительно – до отказа – выдохнув, вложил в десницу диона свою чуть подрагивающую холодную руку. Галлена присела на корточки рядом с Альдаиром, опустила в реку свою нежную правую руку, а левой безо всяких предупреждений вцепилась в кисть Коляна Ковалева – не по-женски мощно, отточенным, почти неуловимым для глаз а движением. Быстрота дионов по-прежнему оставалась недости-

жимой для людей. Альдаир чуть нараспев стал произносить ритуальные слова. Он говорил на своем далеком и непостижимом языке планеты Аль Дионна, но каждое певучее, томительно вытягивающееся незнакомое слово его речи укладывалось в мозг людей так же просто и понятно, как если бы это был их родной:

– Возьмитесь за руки, чтобы соединить всех нас, – скомандовал Альдаир, – забудьте думать обо всем сущем! Представьте, что вы – щепки, которые несет по волнам великой реки. Представьте дальний берег, упругую волну, немотствующее тело вод... Галлена, готова?!!

Дион и дионка чуть нагнулись вперед, погружая ладони в воду; Афанасьева вдруг обдало словно бы жарким колючим дыханием... Уже знакомые маленькие иголки впились в спину, заставляя выгнуться и конвульсивно изменить положение тела. Да, как это знакомо, как тело еще помнит неизгладимые мгновения УХОДА!.. Маленькая смерть... Да, как тогда – ведь в следующую секунду ему показалось, что желтый речной песок, молчаливо лежавший под ногами, начинает дыбиться, ершиться, как растрепавшаяся под ветром аккуратная сложная прическа. Ноги журналиста стали погружаться в землю, и уже знакомый тоскливый холод спиралями вошел в жилы. Уф-ф-ф-ф!.. Вместо сердца заворчался, заворчал, каменяя, тяжелый и немой булжжик. Зажужжали, закручиваясь в веретенца, продолговатые синие сполохи. Они разрастались, уплотняясь, ширясь, свиваясь в кокон. Женя разорвал рот в беззвучном крике, потому что дикая боль вдруг спеленала его... Кокон охватил Афанасьева плотно, плотнее, чем брезент, он отрезал приток воздуха. Косматое удушье распирало горло, легкие. Вслед бросились, теряясь и отставая, дальние шорохи, размазанные запахи и звуки. Взгляд Афанасьева, как намагниченный, потянуло вниз, и он увидел, как речной песок, темнея и свиваясь десятком медленных тягучих змей, судорогой обвивает ноги и тянет, тянет куда-то вниз. И – так, как и в прошлые ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, – что-то оборвалось. Пространство гулко перевернулось и, пульсируя, впустило Женю в немую пустоту. Чарующее ощущение свободного полета властно наполнило каждую клеточку организма. Тяжелое, басовитое жужжание narosло и обвалилось, похоронив под собой путешественника.

...Афанасьев поднял руку и коснулся лба, по которому текла одинокая струйка крови. Перед глазами металась желтые полосы, уплотняясь до массивного серого полога. На пологе прорезались линии, складываясь в неправильные четырехугольники – и Афанасьев увидел в пяти сантиметрах от своего лица серую брусчатку. Брусчатку, о которую он только что разбил голову. Женя не мог ошибиться, он не мог не узнать этой брусчатки.

Той, которой выложена Красная площадь в Москве.

2

Москва, Советская Россия, сентябрь 1920 года

– Вставай, товарищ!

Афанасьев поднял голову и увидел, что над ним стоят два красноармейца с винтовками в серых шинелях, в потрепанных буденновках. Третий тянул за руку Галлену, которая полусидела на брусчатке, потерянно трясая головой. По всей видимости, перемещение снова отняло у дионов много энергии, потому что и Альдаир выглядел так, как будто его угостили оглоблей по голове. У него был остановившийся бессмысленный взгляд, и серая бледность, разлившаяся по всему его лицу, заменила обычный здоровый румянец могучего диона.

Лучше всех, по всей видимости, чувствовал себя Ковалев. Он даже не разбил себе лоб, как Афанасьев, и не пребывал в такой прострации, как дионы. Он глянул на красноармейцев и произнес:

– А что, мужики... то есть товарищи? В чем дело?

– Какие мы тебе мужики, не видишь, что ли, что мы бойцы Красной армии? А ты на недобитого буржуя похож. А и того хлеще – на эдакого фартового мальчишка, скокаря... хазушника или там щипача³.

– Да вы че?... – буркнул Колян, но тут же, вспомнив, где он, оборвал готовую уже народиться фразу.

Второй красноармеец, краснорожий (как и полагается по статусу бойцу Красной армии), коротконогий, с шинелью внакидку, жевал подсолнухи. На толстых губах повисла шелуха от семечек. Услышав слова Коляна, он клацнул затвором винтовки и сказал:

– А, едри твою. Сразу видать-то, что буржуи. Откуда вы тут взялись. А? А документы?... – вдруг перешел он на беспорядочный ор, и на Коляна густо пахнуло перегаром.

Волна перегара дошла и до Афанасьева, и только тут он увидел, что орущий на них красноармеец, толстомясый, совсем не похожий на типичного обитателя тех голодных лет, – почти мальчишка, значительно моложе их самих. Лет восемнадцати, не больше. Поверх шинели – с нарочитым показным щегольством – прицеплена алая ленточка со значком РКСМ. «Российский коммунистический союз молодежи», позже переименованный в ВЛКСМ. Комсомолец, блин... А что ж он пьяный-то? Они ж не... А, наверно, они тут еще не начали борьбу за трезвость, это попозже будет. Вот сволочь! Самоуверенный, наглый. Прямо на Красной площади орет, как у себя дома. Хотя они тут теперь всё в свой дом превратили. Точнее – в нужник, думал Афанасьев, оглядываясь вокруг, на разгуливающие там и сям пестрые стайки разнокалиберных индивидов. Красная площадь отдаленно напоминала базар. Женя привык, что в начале двадцать первого века по ней дефилируют преимущественно туристы из Азии – японцы, корейцы, китайцы, реже немцы и американцы. Сейчас же, в обрамлении всё того же мощного архитектурного ансамбля – стен Кремля, Спасской башни, памятника Минину и Пожарскому, собора Василия Блаженного (только вот, по понятным причинам, нет Мавзолея В. И. Ленина) – по главной площади страны курсировала иная публика. Мелькали зипунные рязанские мужики, группы матросов чрезвычайно свирепого вида, с залихватски скрещенными пулеметными лентами на груди; виднелись затрапезные деревенские картузы, дикого вида мужик уселся прямо на брусчатку и, тупо озираясь по сторонам, разворачивает котомку с немудреной едой, не понимает, где и зачем находится. Глаза белые, борода торчком, ноги враскоряку. Рядом с ним стоят еще двое в лаптях и серых армяках и, глаза по сторонам, мусолят сигарки. Дым валит страшный. Франт в заломленной набекрень кепке ведет под руку двух визжащих девиц в шляпках («А как же пролетарская борьба за нравственность?») и лапает во всех выпуклых местах, какие попадают под руку. Рыжий тип в драной шинели вскарабкался на сломанный ящик и, с опасностью грохнуться, балансируя на нем, визгливым голосом читает:

– Рабоче-крестьянская власть России снова предлагает мир панской Польше! Сделаны громадные уступки в мирных условия-а-ах!.. А-а-а!... х-х-хррр!.. – На «условиях» он навернулся со своего раскачивающегося пьедестала и грохнулся оземь. Впрочем, это нисколько не смутило оратора, и он полез обратно под вопли большой группы экзальтированной молодежи – девушек в красных косынках и развязных безусых юношей, держащих в руках криво наклепанный плакат «Да здравствует Третий съезд комсомола!»

– А ну, вставай и предъяви документ! – приказал комсомолец.

³ Скокарь – вор; хазушник – вор, специализирующийся по квартирным кражам; щипач – карманник.

Сбоку подошел матрос. Этот был трезв, однако имел столь угрожающий вид, что даже у видавшего виды Колям по коже побежали мурашки. Матрос незамедлительно полез за оружием и заорал:

– Вали их в комендатуру!.. Я же видел, никого тут не было, а тут рррраз – и квас! Этакие штучки только в *третьем* отделе, под товарища Мессинга личным контролем, рассматривают по пролетарской совести! Давай я сам их отведу, а рыпнутся – перестреляю к вонючим свиным!

«Мессинг?.. – подумал Афанасьев. – А это кто еще такой? Иллюзионист, что ли?.. Да нет, тот жил попозже».

Афанасьев был в корне неправ: Мессингом звали председателя МЧК – Московской Чрезвычайной комиссии, заменившего на этом посту Моисея Урицкого.

Об этом им тут же сообщили, а для лучшего переваривания и усвоения полученной информации Афанасьев получил прикладом по шее, а Галлену хлопнули пониже спины так, что обессилевшая дионка едва не потеряла равновесие, и если бы ее не подхватил Колян, то она упала бы.

– Нечего сказать, хорошее обращение с дамой!.. – вырвалось у Афанасьева, и он тут же пожалел о том, что сказал. Матрос свел на переносице белесые брови и, приступив к Жене вплотную, так врезал кулаком в солнечное сплетение, что у бедного гостя из будущего перехватило дыхание, сжало, смяло сурово и колюче. Матрос гаркнул во всю свою луженую глотку:

– Вот буржуйская морррда! Какие тебе дамы? Ничего, мы скоро вас всех перережем, контру недобитую! «Дамы»!

Стоящие неподалеку двое малолеток в шинелях и в громадных, не по росту, ярко-малиновых кавалерийских галифе одобрительно хмыкнули: дескать, правильно, товарищ матрос, так его, чести буржуйскую контру по первое число, всыпь им!..

– ...В чрезвычайке с вами поговорят по-нашему, по-пролетарскому, растудят твою!..

Неизвестно, какие еще ораторские пируэты выдал бы громогласный флотский товарищ, не задержись у Коляна Ковалева рукав и не откройся татуировка, которая уже сыграла немалую роль в судьбах нашего мира. Матрос запнулся на полуслове и, по слогам прочитав надпись «Колян с Балтики», принялся хлопать Ковалева по плечам и орать ничуть не тише:

– А, братишка! Ну что ж ты сразу-то не сказаться, мила-а-ай? А я, стал быть, тебя за этих принял!..

Матрос не стал уточнять, кого он разумел под «энтими». Колян, воспользовавшись благоприятным моментом, принялся втолковывать экспансивному матросу, что они вовсе не контра, а свой брат пролетарий, что он, Колян, тоже был матросом на Балтийском флоте и вообще горит делом революции. Афанасьев и дионы – тоже. Матрос оказался вспыльчив, да отходчив, двое пьяных солдат, которые сначала тоже встретили гостей революционной столицы, мягко говоря, не очень приветливо, принялись предлагать им махорку, а толстомясы́й тип, жующий подсолнухи, даже сунул Жене Афанасьеву в руку фляжку, в которой что-то бултыхалось. Женя машинально выпил. Во фляжке оказался чистый спирт, он ожег Афанасьеву язык и небо, но прошедший журналистскую школу Женя выдержал это испытание с честью. Солдат посмотрел на него, кажется, одобрительно, пожевал, сплюнул черно-желтой от табака и подсолнухов слюной на брусчатку и сказал:

– Ну, теперь вижу. Если бы буржуй был, так поперхнулся бы – а тут, поди ж, глотка нашенская, совецкая.

«Вот тебе и борьба за трезвость, – подумал Афанасьев, – ну, кажется, пока что пронесло. Хотя они тут все такие спонтанные, чуть что – за стволы хватаются. Так что нужно держать ухо востро».

Матрос, назвавшийся Степой, тут же предложил своему «братишке», то есть сослуживцу, Коляну Ковалеву выпить за встречу. Двое солдат предложение поддержали немедленно, и

полуживым Галлене и Альдаиру, а равно Афанасьеву оставалось только согласиться: оказать сопротивление они пока что были не в состоянии, да и незачем было. У Жени уже начал выкристаллизовываться в голове план, пока еще далекий, смутный, даже не план, а первые подступы к нему, первые отголоски.

Шли недолго. Всю дорогу матрос разглагольствовал о своих революционных настроениях, отчаянно сквернословя и хлопая Ковалева по плечам. Галлена от греха подальше старалась укрыться за огромной фигурой Альдаира. Солдаты слушали матроса молча, мычали и размазывали по губам полуразжеванные семечки подсолнуха. Завернули в одну из лавчонок Охотного ряда, над входом в которую был прибит пышный лозунг с роскошными речевыми оборотами:

КОММУНИЗМ РОЖДАЕТСЯ В МУКАХ ГОЛОДА И НУЖДЫ, НО ОН НЕПРЕМЕННО ВОСТОРЖЕСТВУЕТ В СЧАСТЬЕ И РАДОСТИ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

«Да уж, – восторжествует, – подумал Афанасьев, – и человечество, я смотрю, под этим лозунгом представлено отборное!»

Вот тут Женя оказался совершенно прав. «Под лозунгом», то есть в кабаке довольно грязного и низкого пошиба, в самом деле был представлен «цвет человечества»: две проститутки в дурацких сапогах и шляпках, пьяный извозчик, спящий мордой в холодной овсяной каше, несколько таких же солдат и матросов, пятеро здоровенных сельских мужиков, от которых на весь трактир воняло конюшней, они при этом издавали ржание, которому позавидовал бы жеребец. Два типа с лицами карточных шулеров играли в ножички. Они попеременно втыкали массивный, с широкой рукояткой нож в грубые, обшарпанные доски стола. Возле прилавка на высоком дубовом табурете торчала чья-то тощая фигура, активно жестикулирующая верхними конечностями и то и дело выкидывающая в воздух кулачок, похожий на обглоданный собаками мосол. Над кривой линией плеч, над грязным воротничком плавало узкое лицо с утиным носом, на котором криво повисло пенсне; человечек тряс засаленными кудрявыми волосами и вопил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.